РАССКАЗЫВАЕТ БРИТАНСКИЙ ТАНКИСТ БИЛЛ КЛОУЗ (BILL CLOSE)

Билл Клоуз (Bill Close, 1914-2006) воевал в составе 3-го Королевского Танкового Полка с 1940 по 1945 год. Он участвовал во Французской кампании 1940 года, Греческой кампании 1941 года, в боевых действиях в северной Африке в 1941-1943. В 1944 он высадился в Нормандии и с боями дошел до Балтики…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОРМАНДИЯ – БЕЛЬГИЯ – СЕВЕРНАЯ ГЕРМАНИЯ

Операция *Epsom*: бой за Высоту *112*

Кан/Caen был целью 3-й Пехотной Дивизии в *День Д* после её высадки на пляже *Sword*. Однако из-за сопротивления 21-й Танковой Дивизии немцев с ходу город взять не удалось. Генералы Бернард Монтгомери (Bernard Montgomery, 21-я Армейская Группа) и Майлз Демпси (Miles Dempsey, 2-я Британская Армия) хотели избежать неизбежно кровопролитных уличных боев за Кан. Если бы Демпси смог обойти его с фланга и прорваться на высоты по обе стороны дороги Кан – Фалез/Falaise, позиции немцев вокруг Кана стали бы безнадежными. Операция *Epsom*, начатая в конце июня в нескольких милях к западу от Кана, была спланирована для достижения этой цели. 15-я (Шотландская) Пехотная Дивизия должна была нанести удар в южном направлении, вбить клин между немецкими позициями в районе Шё/Cheux и продвинуться дальше на юг, чтобы форсировать реку Одон/Odon возле Барона/Baron. Затем 11-я Танковая Дивизия должна была пройти сквозь них, пересечь реку Орн/Orne и занять господствующую высоту за ней.

Британская бронетанковая техника продвигается к Высоте 112. За этим последует ожесточенный бой против Дивизии СС Hitlerjugend, в которой победа будет за союзниками

Это должно было стать боевым крещением дивизии, причем в условиях, сильно отличавшихся от открытой пустыни, в которой 3-й КТП воевал в Северной Африке. Местность *бокаж*/*bocage*, состоящая множества небольших полей, окруженных высокими валами с густыми живыми изгородями, заглубленными дорогами и тропами между ними, была идеальной для обороны. Танки чувствовали себя крайне уязвимыми перед оружием

ближнего боя. Вызов артиллерийской поддержки был невозможен, когда цель находилась всего в ста-двухстах ярдах впереди. Атака началась 26 июня. Перед лицом сильной немецкой обороны продвижение было медленным и обходилось дорого. 29-й Танковой Бригаде удалось пересечь Одон и закрепиться на Высоте *112*, но из-за мощных контратак нескольких немецких танковых дивизий, переброшенных в этот район, бригада была отведена назад. К началу июля стало очевидно, что операция *Epsom* не достигла своей цели по обходу Кана с фланга.

Бокаж – край живых изгородей

Наши первые несколько дней в Нормандии прошли спокойно: танки были спрятаны в типичных нормандских садах, экипажи отдыхали, и покой портили только раздутые туши гниющих коров — вонь была ужасной. Мы узнали, что нашей первой задачей была попытка захвата мостов через Одон, при этом 15-я Шотландская дивизия должна была выдвинуться на острие атаки. Их первой целью был захват деревни Шё. Она удерживалась довольно крепко, и шотландцы понесли очень тяжелые потери: когда 3-й КТП проходил через руины деревни, земля была усеяна телами погибших пехотинцев.

Нашей задачей было прорваться к Эверси/Evercy и далее к Орну и в целом продвинуться почти на двадцать миль. В итоге удалось пройти лишь пять миль. Большая часть проблем возникла из-за противотанкового огня с лесистых склонов Высоты *112* и чуть более приподнятой Высоты *113*. Несколько танков были подбиты, Эскадрон *C* пострадал особенно сильно. Лесистая местность в долине Одона сама по себе была препятствием, порождавшим неразбериху в танковых порядках, которая усугублялась узостью фронта атаки, ограничивавшей развертывание всех танковых сил. Нашему соседнему полку, 23-му Гусарскому, тем не менее удалось достичь Одона, где мост был захвачен неповрежденным.

На следующий день 23-й Гусарский Полк проложил себе путь вперед, достигнув плоской вершины Высоты *112*, возвышающейся над деревней Эске/Esquay. Позже в тот же день они были сбиты с нее огнем нескольких *Тигр*, хорошо вкопанных в землю в лесу на дальнем склоне. Днем мы получили приказ от полковника Силвертопа (Silvertop) сменить 23-й Гусарский Полк на холме — довольно пугающая перспектива, учитывая, что мы проезжали мимо их сгоревших танков.

Эскадрон *A* должен был возглавить атаку 3-го КТП, и я выдвинулся со взводом Джонни Лэнгдона (Johnny Langdon) в качестве передового дозора. Джорди Рэй (Geordie Reay) был его взводным сержантом. Как и многие ветераны боев в пустыне, Джорди чувствовал себя

неуютно в этом краю маленьких полей и лесных массивов, где рвы и живые изгороди были идеальными местами для засад *фаустников*. Он испытал облегчение, когда его танк вышел из строя из-за механической неисправности, но был несколько озадачен приказом принять танк капрала своего взвода. В 3-м КТП существовало неписаное правило, согласно которому сержант оставался со своим танком до тех пор, пока тот не будет отремонтирован. Однако я хотел, чтобы Рэй продолжал исполнять обязанности сержанта взвода, так как его опыт был бесценен.

С нами была наша верная Рота *G* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, следовавшая вплотную за нами. Нам придавало уверенности знание того, что они будут удерживать плацдарм у нас в тылу. Мы тренировались с ними в Йоркшире и знали их близко, командир эскадрона работал в связке с командиром роты. Мой Эскадрон *A* обычно работал с Ротой *G* под командованием Ноэля Белла (Noel Bell) — эта связка оказалась наиболее успешной и продолжалась до самой Балтики.

Я приказал взводу Джонни Лэнгдона прорываться вперед в попытке войти в деревню Барон, расположенную чуть дальше гребня холма. Когда он двинулся вперед, его взвод попал под интенсивный огонь вражеских танков, уже закрепившихся в деревне. В ходе боя один танк был потерян — он загорелся. Казалось, что мы находимся под огнем с трех сторон — как танков *Тигр*, так и 88-мм зенитных пушек. Я попросил разрешения отойти на чуть менее открытые позиции, откуда мы всё же могли бы вести бой с противником. Мы оставались на этих довольно невыгодных позициях до конца дня. Нам удалось подбить несколько противотанковых пушек, но мы не могли нанести никакого вреда вкопанным в землю *Тиграм*. Мы оставались на этом холме тридцать шесть часов. Та первая ночь была крайне неприятной: мы практически не покидали танков, зная, что почти окружены, нашим единственным утешением было то, что мы находимся под защитой Стрелковой Бригады.

На рассвете вражеский огонь, казалось, немного стих, и мы, к нашему удивлению, смогли приготовить себе долгожданный завтрак. Вскоре после этого мы подверглись массированному обстрелу минами из многоствольных [реактивных] минометов *Воющие Минни/Moaning Minnies*, которые могли выпускать мины, содержащие от 70 до почти 300 фунтов взрывчатки. Хотя они не были особенно опасны для танков, для пехоты они были смертельны. Большинство из нас находились вне танков, и мы потеряли нескольких сержантов — командиров танков и членов экипажей, прежде чем успели укрыться; сержант Перси Бретт (Percy Brett), еще один из наших ветеранов пустыни, оказался в числе пострадавших. Мне удалось поспешно заскочить в танк вместе с экипажем, и я видел, что большая часть эскадрона делает то же самое. Я приказал эскадрону рассредоточиться: мы стояли слишком плотно и явно представляли собой отличную мишень для минометчиков, которые пристрелялись тютелька в тютельку.

Полковник Силвертоп по радио приказал мне вывести Эскадрон *A* на левый фланг гребня, чтобы попытаться закрепиться в деревне Эске. Как только мы тронулись, прибыл очередной залп *Воющих Минни*, и одна из мин приземлилась на корму моего танка. В какой-то ужасный момент я подумал, что она залетит ко мне в башню. Сзади танка поднялось пламя, и я приказал экипажу покинуть машину. Экипаж не нуждался в уговорах — я думаю, один из самых страшных кошмаров танкиста — оказаться запертым в горящем танке. Я бросился к одному из своих штабных танков и начал переносить в него снаряжение, карты и прочее, когда заметил, что огонь на моем танке погас. При осмотре выяснилось, что загорелись только спальные мешки на корме нашей машины, мина даже не пробила кожухи двигателя. Довольно пристыженно мы с экипажем вернулись в танк.

Выдвигаясь на позицию между моими двумя передовыми взводами, я обнаружил, что по ним ведут огонь со всех сторон. Взвод Билла Йейтса слева от меня потерял два танка и не мог продвинуться дальше. «*Sugar Two*, укройся и обеспечь огневую поддержку, пока мы движемся вперед, — передал я по радио. — *Sugar One*. Постарайся найти укрытие справа,

перед тобой танки противника.» Джонни рванулся вперед, сумел найти небольшое укрытие за деревьями и начал вести бой с находившимися напротив него *Тиграми*. Внезапно танк Джорди Рэя превратился в столб пламени и дыма. Я видел, как Джорди и один из членов его экипажа выскочили наружу — оба в горящей одежде и явно раненые. Я подбежал к ним. Джорджи и его наводчик Роули/Rowley сильно обгорели, и я не питал особых надежд на то, что они выживут. 88-мм снаряд попал в нижнюю часть танка, остальные члены экипажа погибли. Вскоре прибыл бронетранспортер Стрелковой Бригады, и мы погрузили Джорди и его наводчика на борт. Позже я узнал, что в бронетранспортер попал снаряд, и Джорджи был снова ранен в обе руки. Некоторое время спустя, будучи в отпуске в Великобритании, я навестил Джорди в госпитале. Ему всё еще делали пересадку кожи, он потерял оба уха и часть носа, одна рука отсутствовала, а другая была искалечена, но он всё еще был неукротим и полон надежд на будущее.

Позже тем утром мы добились некоторого успеха. Стрелковая Бригада при поддержке 3-го КТП очистила небольшой лес на южном склоне Высоты *112*. К счастью, большая часть сил противника отступила со своих позиций, и наши потери были сравнительно невелики. Мы надеялись, что сможем возобновить бросок к Орну, но получили приказ отойти за мосты через Одон. Возможно, в дивизии было некоторое чувство разочарования из-за того, что мы не смогли продолжить наступление, но я думаю, что в 3-м КТП мало кто пожалел о том, что покинул Высоту *112*.

Мы были обеспокоены тем, что пришлось оставить холм. Позади нас был лишь узкий коридор, но благодаря бойцам нашей верной Стрелковой Бригады, надежно удерживавшей небольшой плацдарм, маневр был проведен без дальнейших потерь. На Высоте *112* мы потеряли около десяти танков, пять из них — только в моем эскадроне. Помимо потерь в людях, меня несколько раздражала утрата моей постели в пожаре на танке.

Это был первый бой совместно с 8-м Батальоном Стрелковой Бригады, и он определенно закрепил уважение, которое мы питали друг к другу. В бою были завоеваны репутации, и большинство наших новых командиров танков и экипажей проявили себя с наилучшей стороны. Однако в высших эшелонах всё было иначе: мы узнали, что командиру дивизии, генералу *Пипу* Робертсу (Philip *Pip* Roberts, 1906-1997), пришлось снять с должности командира 159-й Пехотной Бригады, также были заменены два командира батальонов — и это всего после двадцати четырех часов боя. Это лишь доказывает, что учения на болотах Йоркшира не заменят реального сражения, и невозможно предсказать, как люди поведут себя под огнем.

В течение нескольких дней после боев на Высоте *112* мы были разделены, действуя с разными частями, но позже снова собрались как дивизия и ушли в резерв. Это дало нам возможность на несколько дней отдохнуть провести реорганизацию перед тем, как снова занять место на *острие атаки*.

Британские танкисты на привале. Район Кана, 1944

Операция *Goodwood*, часть I

Операция *Goodwood*, имевшая место примерно через шесть недель после *Дня Д*, стала крупнейшим танковым сражением, в котором когда-либо принимали участие британские войска. После провала всех попыток заставить немцев оставить Кан без прямой атаки на город, в конечном итоге было признано, что необходимо нанести лобовой удар. Кан был окончательно взят 9 июля. После его падения генерал Монтгомери был, наконец, готов начать прорыв с нормандского плацдарма.

На протяжении июня немцы отчаянно пытались перенацелить свои танковые дивизии с «удержания позиций» на массированную скоординированную атаку на позиции американцев. К началу июля 1-я и 12-я танковые дивизии СС были, наконец, отведены в район Фалеза. Для достижения успеха плана Монтгомери требовалось, чтобы они снова были втянуты в битву для сдерживания британцев на востоке, что позволило бы американцам начать основной прорыв на западе, где бы им противодействовали бы более слабые силы. Таким образом, план Монтгомери включал двухэтапную атаку.

На востоке генерал Демпси должен был направить 8-й Корпус генерала Рэда О'Коннора (Richard O'Connor), состоящий из трех бронетанковых дивизий, в атаку на юг с плацдарма к востоку от реки Орн, который был захвачен в *День Д* 6-й Воздушно-Десантной Дивизией. Целью был прорыв к высотам, расположенным по обе стороны дороги Кан-Фалез. Если бы все три бронетанковые дивизии удалось быстро ввести в бой единым фронтом, давление на немецкую оборону в этом районе было бы огромным. Противнику пришлось бы задействовать все имеющиеся танки, чтобы иметь хоть какую-то надежду сдержать наступление. Три дня спустя генерал Омар Брэдли (Omar Bradley) должен был начать прорыв на западе, операцию *Cobra*, против гораздо более слабого противника.

Но была проблема. Плацдарм к востоку от Орна, с которого должен был атаковать 8-й Корпус, изначально был очень узким. 11-я Танковая Дивизия генерала Робертса должна была идти первой, за ней последовательно Гвардейская и 7-я танковые дивизии. По мере расширения пространства в районе Каньи/Cagny, 11-я Танковая должна была повернуть на юго-запад, Гвардейская Танковая — выйти слева от них и повернуть на юго-восток в

сторону Вимона/Vimont, а когда позволит место, 7-я Танковая обеспечила бы центральный удар этого трезубца, наступая на юг. Для 11-й Танковой скорость была важна, чтобы следующие за ней дивизии могли как можно быстрее выйти в одну линию. Чтобы помочь первоначальному продвижению, атаке должен была предшествовать мощная артиллерийская и воздушная бомбардировка.

При начальной ширине [сектора атаки] всего 2 000 метров места в нем было достаточно только для одного ведущего танкового полка. Эта «привилегия» была дана 3-му КТП, при этом Эскадрон *A* шел впереди справа, а Эскадрон *B* Джока Балхарри (Jock Balharrie) — слева. После пересечения железной дороги Кан – Труарн/Trouarn местность начинала расширяться, 2-й Файфский и Форфарский Йоменский Полк должен был выйти слева от 3-го КТП, и наступление 29-й Танковой Бригады продолжилось бы фронтом в два полка на юго-запад, по направлению к их целям — деревням, расположенным вдоль гряды Бургебю/Burguebus.

Основываясь на нарисованной разведкой картине, ожидания успеха были высоки. Однако разведка заставила атакующих поверить, что немецкая оборона имеет глубину всего около пяти миль и состоит в основном из пехоты, истощенной после шести недель непрерывных боев. Считалось, что в радиусе десяти миль немецких танков, скорее всего, нет. Необъяснимым образом разведка упустила тот факт, что оборона на самом деле имела глубину десять миль, с полком танков *Pz. IV* и *Тигр* на восточном фланге, батальоном из пятидесяти самоходных противотанковых орудий в центре и линией из сорока четырех 88-мм противотанковых пушек вдоль господствующей высоты гряды Бургебю. Все они могли подбить *Шерман* с дистанции 2 000 ярдов, в то время как 75-мм пушка *Шермана*, эффективная на расстоянии не более 1 200 ярдов, не могла пробить броню *Тигра*.

Операция *Goodwood* была начата 18 июля, и, хотя 11-й Танковой Дивизии удалось достичь склонов гряды Бургебю к позднему утру, все попытки взять ключевые деревни Бра/Bras, Юбер Фоли/Hubert-Folie и Бургебю провалились. Следуя вплотную за ними, Гвардейская Танковая повернула налево и встретила сильное сопротивление *панцеров*. Транспортная пробка не позволила 7-й Танковой Дивизии занять позиции на одной линии между двумя другими дивизиями. К вечеру 7-й Корпус был прочно остановлен, не дойдя до намеченных рубежей. В ночь с 18 на 19 июля немцы перебросили вперед свои танковые дивизии.

К концу сражения 8-й Корпус потерял более 400 танков, но успешная атака на Бра силами немногих оставшихся боевых машин 3-го КТП и пехотинцев 8-го Батальона Стрелковой Бригады днем 19 июля стала критическим событием, обеспечившим занятие первого плацдарма на гряде Бургебю. В тактическом плане операция *Goodwood* была в некотором роде разочарованием, так как британцам не удалось продвинуться так далеко, как на это рассчитывали. Но к концу сражения им противостояли уже шесть с половиной танковых дивизий, около 650 *панцеров*, что позволило американцам на западе начать свой прорыв всего против полутора танковых дивизий, имевших лишь 150 машин. Стратегически *Goodwood* был значительным успехом.

Высота *112*, где прошел наш первый бой в Нормандии, оказала весьма отрезвляющее воздействие на батальон. Мы получили довольно болезненный щелчок по носу в этом сражении, потеряв ряд наших людей и танков, но был и положительный момент: новые экипажи получили ценный опыт. После нескольких дней отдыха все экипажи были в хорошем расположении духа, и мы чувствовали, что готовы к следующей задаче. Мы приняли участие в небольшой операции по поддержке 32-й Гвардейской Бригады в неудавшейся атаке на позиции немцев на аэродроме Карпике/Carpique. Она была прекращена через сорок восемь часов, и мы вернулись в дивизию, в зону временного отдыха в садах вокруг деревни Ранвиль/Ranville, чуть западнее реки Орн.

Около 10 июля на совещании у полковника Силвертопа нас предупредили, чтобы мы готовились к крупной операции. Танковым экипажам следовало отдыхать как можно больше, так как предварительная часть операции могла повлечь за собой два ночных марша. Мы узнали, что дивизия должна возглавить танковую атаку через Орн, в которой также примут участие две другие танковые дивизии: 11-я пойдет первой, за ней Гвардейская, а затем 7-я. Из-за малого размера плацдарма на другом берегу реки Орн танковые дивизии должны были переправляться по очереди, и для соблюдения максимальной секретности подходы должны были осуществляться ночью — не самый идеальный способ подготовки к крупному сражению. Даже тогда, к началу операции, переправу через Орн могла осуществить только передовая дивизия, а танковую бригаду нельзя было переправлять через реку до самой ночи перед началом наступления.

На совещании у моего командира полка я узнал, что 3-й КТП возглавит атаку: мой Эскадрон *A* пойдет справа, Эскадрон *B* — слева, а Эскадрон *C* останется в резерве. Другие детали, которые мы узнали, заключались в том, что операции будет предшествовать массированная воздушная бомбардировка силами британской и американской авиации, за которой последует создание огневого вала, после чего в наступление пойдут танки.

Когда я инструктировал экипажи своего эскадрона, последовало немало едких комментариев от некоторых старожилов с напоминаниями о последнем случае, когда батальон принимал участие в «балаклавской» атаке близ Марета, в пустыне. Единственным моим комментарием для утешения был факт, что мы будем впереди, а это, возможно, лучшее место из всех. Не думаю, что это было воспринято с особым восторгом.

Как и ожидалось, наши ночное продвижение оказались кошмаром: мы двигались впритык друг к другу по пыльным извилистым тропам, командиры экипажей затуманенными глазами всматривались в темноту из своих башен, стараясь не отстать от идущего впереди танка. Я предупредил своих командиров о тяжелых последствиях, если кто-то задремлет до того, как мы достигнем первого района сосредоточения. Однако это первое перемещение в ночь с 16 на 17 июля было совершено без особых происшествий, и мы прибыли в район к западу от Орна около часа ночи.

Нам было приказано затаиться на день, замаскировать танки и отдыхать как можно больше. Тем не менее, орудия и приборы в танках пришлось чистить, чтобы удалить толстый слой пыли, покрывший всё после ночного марша. Мы смогли приготовить еду на наших маленьких плитках, хотя разводить костры было запрещено, и любое движение в районе лагеря должно было быть сведено к минимуму. В течение дня мы нам впервые доставили почту, газеты и пиво с момента высадки в Нормандии. Мы сочли пиво приятным избавлением от огромного количества сидра и кальвадоса, которые все поглощали, нанося, я уверен, неисчислимый вред своему организму. В 4 часа дня я присутствовал на совещании у полковника Силвертопа, чтобы узнать порядок атаки и изучить несколько превосходных фотографий всех деревень и вражеских позиций на пути нашего продвижения. Хотя мы полагали, что местность, по которой нам предстояло наступать, кажется подходящей для танков, и были рады покинуть *бокаж*, она также оказалась вполне подходящей для уничтожения танков.

В ночь с 17 на 18 июля мы совершили второй переход, начав около 10 вечера, снова впритык друг к другу, напоминая цирк, въезжающий в город. Пыль снова была ужасной, и я был рад, что решил идти первым на своем танке. После нескольких тревожных моментов, когда отдельные танки сбивались с размеченных лентами путей, мы в конечном итоге пересекли Орн и вошли в наш финальный район сосредоточения прямо за стартовым рубежом атаки около часа ночи. Весь район был завален разбитыми планерами 6-й Воздушно-Десантной Дивизии, захватившей плацдарм в *День Д*. Нам также сообщили, довольно поздно, что прямо перед нашим исходным рубежом одно из наших собственных

минных полей было расчищено только прошлой ночью, и в нем было проделано четыре прохода.

После того, как экипажи получили приказ готовить танки к бою и по возможности заварить чай, Ноэл Белл (Noel Bell), командующий Ротой *G* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, и я прошли к минному полю, чтобы разглядеть размеченные лентами проходы, которые, как мы надеялись, будут хорошо обозначены. Проблем, казалось, не было — входы в минное поле охранялись безупречно одетыми сержантами военной полиции, носившим белые ремни и гетры. Я не думал, что у нас возникнут трудности с прохождением через минное поле, но я все же немного опасался того, как мы будем выглядеть на рассвете, выстроившись на виду у врага. У нас был приказ строиться в три волны: первая волна — эскадроны *A* и *B*; вторая волна — штаб полка, разведывательный взвод, взвод бронетранспортеров, взвод танков с противоминными тралами, полувзвод инженерных танков, третья волна — резервный эскадрон, моторизованная рота, 13-й Полк Королевской Конной Артиллерии.

По возвращении в эскадрон я обнаружил, что мой экипаж сумел заварить чай и они пытались прилечь на время. Начало атаки должно было быть ранним, рассвет наступал около 04.30 утра. Незадолго до рассвета мы медленно двинулись к минному полю впритык друг к другу, а вплотную за нами следовал взвод бронетранспортеров Роты *G* под командованием Дэвида Стайлмэна (David Stileman). Как и ожидалось, у нас не возникло трудностей с продвижением по размеченным лентами проходам, хотя один из бронетранспортеров всё же сбился с пути и потерял гусеницу на мине.

Действительно, когда рассвело, и мы выстроились на исходном рубеже, мои опасения подтвердились: целая полковая группа, сосредоточенная на столь малом пространстве, должна была представлять значимую цель для врага. Как ни странно, в это время противник так и не открыл по нам огонь, и мы занялись последними приготовлениями к бою. Осталась минута. Под темным небом в клубах пыли *Шерманы* ждали с работающими двигателями и трещащими рациями. Из-за близости танков друг к другу, находившимися друг от друга всего в нескольких ярдах, радистам было трудно настроить свои станции. Позже это вызвало некоторые проблемы в управлении боем.

Мы сидели на своих танках примерно с 05.45 утра, наблюдая за армадой самолетов, которые обрушили бомбы на находившуюся перед нами местность. Все деревни были буквально засыпаны тяжелыми бомбами, повсюду гремели мощнейшие взрывы, которые мы от души приветствовали. Мы думали, что ничто не сможет выжить после такого авиаудара, но как же мы ошибались. Несколько фигур стояли рядом, наслаждаясь последней сигаретой — им следовало бы быть в танках! Ровно в 07.45 утра открыла огонь артиллерия: около 200 орудий повели огонь по сектору фронта протяженностью 2 000 ярдов прямо перед нашими машинами, в то время как другие концентрировались на целях в глубине. *Pppp*, вспышка, бах! *Pppp*, вспышка, бах! Одна из наших батарей положила залп прямо среди нас, и какая-то фигура бросилась к моему танку: «Это мистер Пеллс (Pells), сэр, он готов!» Филипа Пеллса, командира 3-го Взвода, зацепило, когда он находился вне танка. Я велел его сержанту взвода Фредди Дейлу (Freddy Dale) принять командование. Он был опытным сержантом и вполне способен справиться. Было еще несколько потерь, включая Питера Бэрра (Peter Burr), командира Эскадрона *C*, который погиб.

К тому времени, когда мы разобрались с нашими потерями, огневой вал начал смещаться вперед. У нас был приказ стараться оставаться в 100 ярдах позади него, но мы тронулись вперед в некотором беспорядке. Напрягая глаза из открытой башни, я находил утешение в том, что остальная часть 2-й Армии находится прямо за нами, а если и нет, то должна бы. Примерно в 100 ярдах впереди во мгле взлетали гейзеры земли, канонада грохотала дальше, разбрасывая комья грязи на своем пути.

Хаос начался в 05.45 утра, когда сотни бомбардировщиков сбросили свой груз. Тем утром в этом поучаствовали все: Королевские ВВС, янки, флот (мониторы у Арроманша/Arromanches открыли огонь из своих пятнадцатидюймовых орудий). Артиллерия должна была поставить финальную точку в этом общем хаосе. Мы неслись сквозь кипящие облака пыли и гари, тридцать восемь *Шерманов*, делающих всё возможное, чтобы не отстать от катящейся огневой завесы. Я смутно видел танки по обе стороны от себя, медленно выбирающие путь среди всё увеличивающегося числа всё более крупных воронок от бомб. Я лишь надеялся, что Эскадрон *B* слева от меня тоже не отстает. Так как Питер Берр выбыл в самом начале, теперь всё зависело от Джока Балхарри, командира Эскадрона *B*, и меня. Я вел людей вперед.

Ошеломленные и потрясенные люди поднимались из нескошенной пшеницы и пытались сдаться передовым танкам. Когда я махал им рукой в тыл, они брели прочь, закрыв уши руками. Другие немцы сидели в своих лисьих норах, тупо глядя на нас, совершенно деморализованные, когда мы проезжали мимо. Наша пехота соберет их, или мы на это надеялись. И действительно, мы видели, как бронетранспортеры Дэвида Стайлмэна собирают их и конвоируют в тыл.

По мере того как мы медленно продвигались вперед (двигатели выли, когда водители переключались на пониженную передачу, чтобы объехать еще дымящиеся воронки от бомб и снарядов), канонада уходила всё дальше. Теперь мы могли немного развернуться, видимость стала чуть лучше, и мой эскадрон шел более или менее в линию, охватывая сектор фронта протяженностью около 600 ярдов. Я дал инструкции командиру 1-го Взвода Джонни Лэнгдону: «*Sugar One*, забирай вправо. Противотанковые пушки ведут огонь из района сада; используй свои пулеметы, чтобы заставить их пригнуть головы.» Я хотел немного сбавить ход и разобраться с ними как следует, но, имея инструкции от командира полка прорываться вперед, мы могли только *полить их свинцом*. Впереди лежала железная дорога Кан-Труарн. Там была небольшая насыпь, но я не думал, что она вызовет проблемы у танков. Так и вышло: танки прошли без труда, хотя, когда я сам приблизился к ней, я предвидел трудности для небронированных машин тыловых эшелонов и вызвал инженерные танки, чтобы они проделали проходы в насыпи.

Мы знали, что огневой вал должен остановиться на линии железной дороги, но прежде чем мы успели построиться в каком-то порядке, он сдвинулся, и мы пустились вдогонку. Когда мы поднимались по пологому склону к деревне Ле Мениль–Фремантель / Le Mesnil-Frementel, мимо начали свистеть одиночные бронебойные болванки — очевидно, первые признаки организованного сопротивления. Внезапно *Шерман* слева от меня остановился, изрыгая дым. Немедленно все танки развернули свои пушки в сторону деревенских домов, откуда был произведен выстрел. Я видел значительную активность среди деревьев в саду и вспышки противотанковых пушек вдоль линии живых изгородей вокруг сада. Еще два танка из разведывательного взвода были подбиты, прежде чем сосредоточенный огонь *Шерманов* быстро расправился с обстрелявшими нас, уничтожив три или четыре пушки вместе с расчетами. Я видел, что в Эскадроне *B* слева от меня также были подбиты два танка, они яростно полыхали. Люки распахнулись. Темные фигуры катались по земле. Загорелась пшеница. К этому времени второй полк бригады, 2-й Файфский и Форфарский Йоменский Полк, выдвинулся слева от нас, и их резервный эскадрон также попал под плотный противотанковый огонь из деревни Каньи. Он потерял практически все свои танки в считанные мгновения.

Мне было в недвусмысленных выражениях велено поторапливаться, обойти Ле Мениль–Фремантель и наступать на следующую деревню, Грентвиль/Grentheville, находящуюся примерно в 1 500 ярдах прямо передо мной. Я с некоторой неохотой подставлял фланги своих танков явно хорошо защищенной деревне, но отдал приказ своим взводам вести огонь в движении, пока мы проходим западнее деревни. Теперь было ясно, что, хотя широкая полоса местности была опустошена [бомбардировками] — повсюду были

расщепленные деревья и мертвые коровы — противник занимал оборону на гораздо большей глубине от передовой, чем нам говорили об этом. Впереди лежало больше деревень и неповрежденных лесов, больше 88-мм и 75-мм пушек (как буксируемых, так и самоходных), и, насколько мы знали, там могли притаиться *Тигры* и *Пантеры*. Также было более чем очевидно, что ошеломленный и потрясенный враг приходит в себя. Ранее мы слышали разговоры о том, что это «хорошая танковая местность» — почти лишенная укрытий — прогулка на скачках! Теперь шансы не выглядели столь многообещающими. Жокеи и их кони выбывали из гонки с пугающей скоростью. Было всего десять часов утра. Помоги бог «моему мальчику Вилли».

Пока что у Эскадрона *A* все складывалось хорошо, потеряна была всего одна машина, но когда мы приблизились к Грентвилю, я увидел расчеты противотанковых пушек, лихорадочно разворачивающие их в нашу сторону. Над головой завыли мины *небельверферов*, в пшеничных полях перед деревней было около двадцати или тридцати орудийных позиций. Я приказал всем танкам окатывать их свинцом из пулеметов или просто давить гусеницами. Бам! *Шерман* прямо рядом со мной охватило пламя, и еще два загорелись через несколько минут. Люки распахнулись, и еще больше танкистов посыпались наружу, катаясь в пшенице. Эскадрон *B* слева от меня также нес пугающее количество потерь. Было слишком очевидно, что нам нужно найти какое-то укрытие от огня и навести артиллерию на деревню. Справа от меня, с севера на юг, шла железная дорога Кан-Бургебю. У неё была крутая насыпь, и я велел своим командирам взводов пристроиться вдоль насыпи и вести как можно более плотный огонь по северному краю деревни.

Джонни Лэнгдон и Бак Кайт потеряли по два танка в своих взводах, но сумели укрыться у насыпи рядом с моим танком. Бак начал обстреливать вражеские противотанковые пушки из своего семнадцатифунтового орудия и очень быстро сумел уничтожить две. Вскоре после этого он доложил, что подбил и сжег две самоходные артиллерийские установки. Это были крупные машины с 88-мм или 105-мм пушкой на борту.

С самого начала атаки со мной был наводчик из 13-го Полка Королевской Конной Артиллерии, выполнявший функции передового наблюдателя (ПН) — на танке *Милашка* со срезанной крышей башни. Я подозвал его к себе: «Послушай, ПН, ради всего святого, наведи артиллерию на деревню как можно быстрее». Это была первая возможность ввести в бой нашу артиллерию. Через считанные минуты двадцатипятифунтовки открыли огонь с отличным результатом, и жизнь стала чуть более сносной.

Полковник Силвертоп вышел в эфир: «Билл, выведи свой эскадрон на западную сторону насыпи.» Было два способа сделать это: либо переползти через насыпь, либо воспользоваться проемами, где [автомобильная] дорога и железная дорога Кан-Вимон проходили под насыпью. Я выбрал последний вариант и велел своим двум ведущим взводам двигаться под мост. Никто не сдвинулся с места, поэтому я встал в своем танке, помахал беретом над головой и сказал по радио: «Делай как я!» Когда я пролетел под насыпью, словно крыса по сточной трубе, у меня мелькнула внезапная мысль: «Боже, надеюсь, там нет мин». Всё обошлось, и я вынырнул на западной стороне на совершенно мирно выглядевшую местность. Два оставшихся эскадрона обеспечивали прикрытие, пока остальные машины моего эскадрона проходили в проем и присоединялся ко мне. В конечном итоге вся полковая группа прошла через него и развернулась на западной стороне насыпи. Мы понесли значительные потери: семь танков были подбиты в моем эскадроне и столько же в эскадронах *B* и *C*. Я потерял еще одного командира взвода, Билла Йейтса, поэтому другому взводному сержанту, Мейсону, пришлось принять временное командование взводом.

Было около 11 утра, и наши цели — деревни Юбер-Фоли и Бра на гряде Бургебю — лежали перед нами; при наблюдении в бинокль могло показаться, что они не заняты противником.

И снова мы оказались неправы. Я сместился со своим эскадроном на правый фланг, не доходя до территории фабрики *Cormelles*, которая, насколько я знал, всё еще удерживалась противником. Джонни Лэнгдон доложил, что вражеский танк, вероятно *Pz. IV*, выкатывается из заводских зданий. Взвод быстро с ним расправился.

Батальон теперь шел более или менее в линию по довольно открытой местности с очень малым количеством укрытий, вся территория представляла собой массу колышущейся золотистой пшеницы, которая была так высока, что бронетранспортеры взвода Дэвида Стайлмэна были едва видны, только сам командир возвышался над ней. Мы медленно поднимались по склону к нашим целям — деревням на гряде, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреться, глядя в бинокли. По-прежнему никаких признаков врага. Когда мы были примерно в 500 ярдах от двух деревень, разверзся настоящий ад, и мы попали под интенсивный огонь со всех сторон: из Бра и Юбер-Фоли, даже из-за железнодорожной насыпи и из Бургебю. Немедленно танки во всех трех эскадронах были подбиты, они горели, танкисты вываливались наружу, и вокруг них пылала пшеница. В считанные мгновения мирно выглядящая местность превратилась в то, что могло бы быть представлением художника о поле битвы. Только это не было представлением художника — это было наяву. Экипажи горящих танков выбирались и в агонии катались по земле. Танкисты уносили своих более тяжело раненных товарищей подальше от пылающих машин. Полугусеничные машины и бронетранспортеры Стрелковой Бригады подъезжали к танкам и помогали вытаскивать танкистов там, где это было хоть как-то возможно. Бах! Крах! Мой собственный танк был подбит, и снизу донесся громоподобный крик: «Выбирайтесь из машины, сэр!» Меня не нужно было просить дважды, и мой экипаж присоединился ко мне. Никто не пострадал, и танк не загорелся, поэтому я махнул им рукой возвращаться к району насыпи, где командир полка развернул свой штаб. Я бросился к одному из своих штабных танков и был весьма расстроен, обнаружив, что он также подбит, а экипаж уже покинул его. Танк капрала моего взвода был всё еще в строю, поэтому, выставив его командира, я продолжил командование тем, что осталось от моего эскадрона, с этого танка. Эскадроны *B* и *C* также сильно пострадали, потеряв более половины своих танков. Теперь не было сомнений, что деревни на холме прочно удерживаются противником!

По-прежнему было важно попытаться войти в деревни, и я получил приказ отдельным танкам найти любое возможное укрытие и вести огонь по их передним окраинам. Мой верный передовой наблюдатель был всё еще рядом со мной, поэтому я подозвал его и велел как можно быстрее навести артиллерию на обе деревни. Вместе с двумя танками Бака Кайта мне удалось найти небольшое понижение в земле с несколькими деревцами и кустарником, что давало хотя бы визуальное укрытие. Нам удалось занять позиции, когда над землей были видны только башни, и мы принялись обстреливать вражеские противотанковые пушки в обеих деревнях. Мы также видели, что на хребте было несколько вражеских танков, вероятно *Пантеры*. Я приказал Баку Кайту обойти Бра справа, взяв с собой свой *Шерман* с семнадцатифунтовой пушкой— один из немногих, еще остававшихся в строю. Маневр удался, и он сумел уничтожить две *Пантеры*, пытавшиеся обойти нас с фланга с запада. Мой собственный наводчик Тодд (Todd) также добился успеха и сумел уничтожить пару противотанковых пушек на обращенной в нашу сторону окраине деревни Бра. Я всё еще был озабочен тем, как выбраться на гряду, и велел Джонни Лэнгдону попытаться продвинуться между двумя деревнями. Ему удалось это сделать, и он достиг соединяющей их дороги, но оба его танка были подбиты. Джонни и его экипаж покинули танк невредимыми, и он смог занять танк капрала своего взвода Киллина (Killin).

Эскадроны *B* и *C* также вели тяжелый бой, пытаясь продвинуться вперед, но постоянно теряли танки. Было слишком очевидно, что мы не сможем наступать без дальнейших потерь. Поняв это, командир полка приказал нам отойти на более закрытые позиции, продолжая обстреливать все видимые цели. У нас также заканчивались боеприпасы и

бензин. Паре грузовиков снабжения удалось прорваться вперед, и танки смогли по одному отходить назад для заправки и пополнения боезапаса.

Штаб полка внизу у насыпи подвергался довольно сильному артиллерийскому обстрелу, и только когда один из сержантов Стрелковой Бригады, идя вдоль насыпи, обнаружил немецкого наблюдателя, хорошо зарывшегося в склон железной дороги (с которым он быстро расправился), стало чуть тише. Остаток дня мы провели на этих довольно невыгодных позициях, не имея возможности продвинуться вперед. Прямо перед наступлением темноты четыре танка *Пантера* начали наступление через хребет на наши позиции. Две были быстро уничтожены, что заставило остальные две отступить обратно к Бургебю. Так закончился этот довольно изматывающий и разочаровывающий день: мы были так близко и всё же так далеко от наших целей. Мы встали лагерем у карьера рядом с насыпью. Ночью был небольшой артобстрел, и один или два вражеских бомбардировщика пролетали над районом. Это сделало эти несколько часов беспокойными, с малым шансом на сон. В течение ночи подошли сменные танки и экипажи; большинство танкистов покинули свои машины в этот первый день. Я был рад, что Джонни Лэнгдон всё еще со мной, так как большинство других моих офицеров выбыли в течение дня. Танк Бернарда Хэммилла (Bernard Hamill), моего заместителя, также был подбит ранее в этот день, и сам он был тяжело ранен. Однако с дополнительными сменными танками и экипажами батальон смог реорганизоваться в три эскадрона по десять танков в каждом. Танк командира Эскадрона *B* Джок Балхарри также был подбит, сам он был легко ранен, но присоединился к нам позже. Мне всё же повезло: два моих опытных сержанта взводов, Бак Кайт и Фредди Дейл, были живы и здоровы, хотя не думаю, что кто-то из нас ждал следующего дня с большим энтузиазмом. Гряда Бургебю с ее прочно удерживаемыми деревнями отпугивала наши поредевшие силы.

Операция *Goodwood*: часть II

После довольно беспокойной ночи, когда почти не было возможности прилечь, я подошел к танку полковника Дэвида Силвертопа около 04.30 утра, как раз перед рассветом, чтобы получить приказы на день. В них мало что изменилось: наши цели остались прежними — Юбер-Фоли и Бра на гряде. Некоторым утешением послужила информация о том, что по крайней мере два полка артиллерии среднего калибра сумели выдвинуться вперед и могут быть доступны для поддержки наших атак. Также наша пехотная бригада теперь могла выдвинуться вперед после своих довольно неудачных попыток подавить сопротивление противника в оставшихся позади деревнях Кювервиль/Culverville и Демовиль/Demoville.

Когда мы выступили из лагеря, мои приказы командирам танков были краткими, но по существу: «Мы должны пробиться в деревни на гряде». «Постарайтесь не ввязываться [в затяжной бой]», — иронично добавил командир полка. Когда мы двинулись к Бра, я увидел, что между деревнями и к западу от Бра появилось еще больше вражеских танков на отличных позициях *башня над землей*. Я снова взял три танка Бака Кайта с собой на правый фланг и попытался обойти западную окраину деревни. Мы подошли примерно на 400 ярдов к первым домам, когда нас снова накрыл шквальный противотанковый огонь — из деревни, от *Пантер*, а также из деревни Иф на западе. Сразу два танка Бака были подбиты, и я видел, что несколько других танков из эскадронов *B* и *C* также получили попадания и горели.

Я также поручил взводу Джонни Лэнгдона попытаться прорваться между двумя деревнями. Он снова доблестно повел свои танки через дорогу, соединяющую деревни, уничтожив по пути две *Пантеры*, прежде чем снова потерял два своих танка, включая собственный. Я видел, как несколько человек из его экипажа пробирались назад через пшеницу, неся на себе своих более тяжело раненных товарищей. Я приказал отойти под какое-нибудь прикрытие и, вызвав своего артиллерийского наблюдателя, велел ему как можно скорее навести артиллерию на обе деревни. Эскадроны *B* и *C* также были в трудном положении и

отходили к линии железнодорожной насыпи, которая давала некоторую защиту. Мне удалось пристроиться вместе с семнадцатифунтовым *Шерманом* Бака Кайта в ложбине примерно в 500 ярдах от северной окраины Бра, откуда мы смогли вести бой с *Пантерами*, пытавшимися обойти нас с фланга. Две *Пантеры* были быстро уничтожены семнадцатифунтовкой Бака. Мой наводчик также проделал отличную работу, записав на наш счет две самоходки, которые обстреливали нас с западной окраины Бра.

Мы снова были полностью прижаты к земле чрезвычайно точным противотанковым огнем со всех направлений. Было очевидно, что обе деревни прочно удерживаются, а присутствие новых танков на хребте делало наше положение безнадежным. Я доложил об этом полковнику Дэвиду, который приказал нам сидеть тихо и стараться сдерживать вражеские танки. Тем временем он попытается вызвать авиаудар Королевских ВВС по гряде. Мы знали, что где-то над нами дежурит группа истребителей-бомбардировщиков *Тайфун/Typhoon*, но, мы потеряли нашего офицера связи с ВВС в начале боя, и они оказались не столь эффективны, как мы надеялись.

Я вызвал своего артиллерийского наблюдателя и велел ему как можно скорее накрыть обе деревни артогнем. Ему удалось это сделать, и стало немного тише. Вскоре после этого несколько штурмовиков спикировали и атаковали *Пантеры* прямо перед нами, уничтожив две, после чего остальные отошли за гряду. Мы оставались на этих довольно бесперспективных позициях, так как при любой попытке двинуться вперед мы теряли очередной танк. У меня осталось всего пять танков, включая мой собственный; эскадроны *B* и *C* были примерно в таком же состоянии. День тянулся медленно. В танке было невыносимо жарко, и я немного беспокоился, что у нас заканчиваются и боеприпасы, и горючее.

Около 15.00 меня вызвали назад в штаб полка для получения новых приказов. Когда я двигался назад к насыпи, несколько самолетов пронеслись вдоль линии железной дороги. Это были первые [немецкие самолеты], которые мы увидели. Они на несколько мгновений сделали жизнь очень неуютной, прежде чем улететь на юг. На совещании у полковника нам сказали, что будет предпринята согласованная атака на Бра и Юбер-Фоли. В 16.00 Нортгемптонширский Йоменский Полк и наш разведывательный полк должны был атаковать Бра вместе с ротами *H* и *F* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, при этом 3-й КТП должен был оказать посильную помощь. Была обещана мощная артиллерийская поддержка с постановкой дымовых завес на флангах.

Мне следовало связаться с командиром Нортгемптонширского Полка и сообщить ему данные об опорных пунктах противника, в частности о немецких 88-миллиметровах на западе. Когда они проходили через наши позиции, я подбежал к танку их командира и сказал: «Ради бога, не забирайте слишком далеко на запад, иначе попадете под огонь 88-х из Ифа!». Я указал, где еще дымятся несколько моих сгоревших танков, и предположил, что он прислушается к моему предупреждению. Однако, по непонятной причине, его танки двинулись на запад, пытаясь обойти деревню с фланга. Считанные мгновения — и около двадцати танков полка были подбиты, большинство из них загорелись. Остальные в некотором замешательстве отошли через мои позиции. Внизу у насыпи полковник Силвертоп видел всё это и отдал приказ, чтобы теперь атаку поддержал 3-й КТП. Артиллерия накрыла деревни, на обоих флангах были поставлены дымовые завесы, обеспечившие отличное прикрытие, и мы смогли наступать более или менее в одну линию с ротами Стрелковой Бригады. Когда я выдвигался из своего укрытия, танк со страшным грохотом содрогнулся и, лязгнув, замер. Я покинул машину вместе с радистом и наводчиком (все остались целы) и осмотрел танк. 88-мм снаряд прошел насквозь через переднюю часть танка, убив водителя и его помощника на месте. Я велел двум уцелевшим танкистам пробираться назад к насыпи, а сам бросился к ближайшему танку под командованием сержанта Фредди Дейла. Он весьма неохотно вылез, и я принял командование его танком. Наконец-то мы смогли двигаться нормально и оказывать

хорошую огневую поддержку пехоте, входившей в деревню. Из района Ифа/Ifs на западе всё еще вели сильный огонь 88-миллиметровки, поэтому я отвел три своих оставшихся танка к западной окраине деревни, чтобы предотвратить любой прорыв противника с этого направления.

Мы отлично постреляли по убегающим немцам, а также уничтожили еще две *Пантеры*, которые пытались войти в деревню с запада. Эскадроны *B* и *C*, также поредевшие и имевшие по два-три танка каждый, вошли в деревню одновременно с нами. Мы крушили стены домов, из которых выходили перепуганные немцы с поднятыми руками. Противотанковые пушки уничтожались прямой наводкой, и примерно через час деревня была зачищена. Около 300 панцергренадеров были убиты, ранены или взяты в плен во время атаки, было уничтожено более двадцати противотанковых пушек различных калибров. Позже в истории дивизии было сказано, что это была образцовая совместная атака танков и пехоты.

Около 19.00, когда роты *H* и *F* прочно закрепились в деревне, полковник прибыл со своим штабом и собрал оставшиеся танки 3-го КТП на западной окраине Бра. Мы проводили совещание, когда снаряд упал прямо в центр группы. Офицер разведывательного взвода Морис Томпсон (Maurice Thompson) был убит вместе с двумя другими танкистами.

В тот вечер у нас оставалась еще одна задача. Наша верная Рота *G* Стрелковой Бригады должна была атаковать вторую деревню, Юбер-Фоли, при поддержке эскадрона Файфского и Форфарского Йоменского Полка, а 3-й КТП должен был оказать посильную поддержку из Бра. Нам удалось это сделать, и примерно через час деревня была взята без больших потерь с нашей стороны. Снова было захвачено несколько пленных вместе с несколькими исправными противотанковыми пушками и их расчетами.

Так закончилась операция *Goodwood* для 3-го КТП. Это была тяжелая битва с двумя днями напряженных боев. Батальон потерял более шестидесяти танков и понес большие потери в личном составе. В моем собственном эскадроне я потерял семнадцать танков из штатных девятнадцати, причем более половины не подлежали восстановлению. Все мои офицеры, кроме Джонни Лэнгдона, выбыли из строя, и только один сержант взвода, Бак Кайт, оставался со мной до конца. Практически каждый человек в эскадроне покидал подбитый танк хотя бы раз. Батальон был выведен на отдых и переформирование, и о стойкости оставшихся экипажей говорит тот факт, что через десять дней мы восстановили численность людей и танков и были готовы к следующей операции.

Во время боя нет времени для сантиментов, нет времени оплакивать потери или погибших членов экипажа, которых знал в бою, но позже, во время отдыха, когда пишутся письма домой женам и любимым, всё это осознается очень остро, и утрата старых друзей чувствуется глубже. Операция *Goodwood* была тяжелым испытанием для 3-го КТП, и даже некоторые ветераны почувствовали нервное напряжение. Во время наших нескольких дней отдыха и реорганизации три довольно немолодых сержанта, которые были с полком еще со времен боев в пустыне, явились и попросили освободить их от службы в танках. Это была необычная просьба от опытных сержантов взводов, но наступает момент, когда мужество и стойкость человека могут иссякнуть. На этот раз, после нескольких дней относительного покоя в тылу, двое из троих вернулись в строй и служили в танках до конца войны.

Через несколько дней мы снова переправились через реку Орн и начали подготовку к тому, что, как мы думали, станет прорывом с плацдарма — операции *Bluecote*.

Назад в *бокаж*: операция *Bluecoat*

25 июля американская 1-я Армия генерала Брэдли начала прорыв на западе с исходного рубежа, идущего вдоль дороги St Lo – Periers. Первые сорок восемь часов наступление

шло медленно, но, столкнувшись с более слабой и менее глубокой обороной, чем та, что противостояла нам в ходе операции *Goodwood*, прорыв, когда он наконец случился, был внезапным и драматичным. 3-я Армия генерала Паттона (George Patton) была быстро введена в действие, и этот яркий и динамичный лидер быстро повел свои войска вперед, глубоко проникнув сквозь немецкую оборону на юг к Авраншу, прежде чем повернуть на восток, чтобы загнать большую часть немецкой армии в ловушку, которую в середине августа назовут *Фалезским котлом*.

После операции *Goodwood* 11-я Танковая Дивизия была выведена с передовой, чтобы зализать раны, заменить танки и экипажи и начать подготовку к следующей атаке — операции *Bluecoat*. Начав наступление 29 июля, 11-я Дивизия должна была продвигаться на юг от Комона через пересеченную густой сетью живых изгородей местность в сторону Сен-Мартен-де-Безас/St. Martin des Besaces, Ле-Бени-Бокаж/Le Beny Bocage и Вира/Vire. Находясь на крайнем западном фланге 2-й Британской Армии и тесно взаимодействуя с американцами справа, 11-я Дивизия сыграла важную роль в сдерживании немцев внутри постоянно сжимающегося Фалезского котла.

На высшем уровне во время наших нескольких дней отдыха и реорганизации было решено, что бригады внутри дивизии также могут быть реорганизованы. В свете итогов операции *Goodwood*, в ходе которой бронетехника действовала без серьезной поддержки пехоты, что привело к потерям танков, атакованных из незачищенных деревень, было решено, что в будущем пехотный батальон будет перемещаться вместе с танковым полком — фактически, пехота будет ехать прямо на броне танков — и что любой танковый полк должен быть готов работать с любым пехотным батальоном. Это изменение в методах ведения операций было внедрено немедленно и в наших последующих действиях, вплоть до самой Балтики, доказало свою чрезвычайную эффективность.

29 июля мы двинулись по перегруженным транспортом тыловым дорогам 2-й Армии вместе с остальной частью 11-й Танковой Дивизии обратно в этот пугающий край живых изгородей - *бокаж*. На совещании у командира полка мы узнали, что будем действовать непосредственно на фланге американцев.

Наши цели - деревни Ле-Бени-Бокаж и Сен-Мартен-де-Безас находились на изобиловавшем живыми изгородями местности. Мой второй капитан Нил Кент (Neil Kent), который оставался в резерве во время операции *Goodwood*, вернулся в эскадрон, Джонни Лэнгдон по-прежнему командовал 1-м Взводом. Я поручил Нилу принять 2-й Взвод, а Баку Кайту и Фредди Дейлу, как взводным сержантам, сохранить командование 3-м и 4-м взводами.

Наше продвижение через *бокаж* было медленным: все командиры танков очень опасались немецкой пехоты, затаившейся за высокими изгородями и валами - это была идеальная местность для засад гранатометчиков. Я получил приказ от полковника двигаться на Сен-Мартен-де-Безас. На броне наших танков сидели пехотинцы из Шропширского Полка. Часть пути мы проделали в первую же ночь. Впереди шли взводы Нила Кента и Бака Кайта. Стояла кромешная тьма, и их стоило поздравить с тем, что они нашли дорогу почти до самой железнодорожной линии к северу от деревни. Два взвода заняли позицию во фруктовом саду рядом с небольшой фермой. Пехота окопалась в пшеничном поле перед садом в ожидании рассвета. Я с остальной частью эскадрона находился примерно в полумиле от них, и остальные *Шропширцы* окапывались вокруг меня.

На рассвете мы заняли места в танках в боевой готовности. Казалось, вокруг стояла тишина, и я приказал экипажам заварить чай. Я вызвал Нила Кента, чтобы обсудить наше выдвижение к деревне, и он как раз прибыл, пока мы завтракали. Около 09.30 утра мы все находились вне танков, когда вокруг засвистели снаряды и пули. Большинство из нас заскочили в танки, другие укрылись под ними. Я также слышал резкие хлопки выстрелов

танковых пушек со стороны взвода Бака Кайта. Вскоре после этого Бак доложил по радио, что его атакуют несколько *Пантер* и его положение критическое. Велев Нилу как можно быстрее вернуться к своему взводу, я приготовился выдвинуться с двумя другими взводами им на помощь. Именно тогда мы также попали под огонь двух *Пантер*, которые подобрались почти незамеченными. Один из танков взвода Фредди Дейла был подбит почти сразу, но его второй танк с семнадцатифунтовой пушкой открыл ответный огонь, подбив одну из *Пантер* и заставив другую отступить.

Я доложил полковнику, что мы атакованы *Пантерами* пока не установленной численности. Я немного беспокоился за положение пехоты, но после консультации с командиром роты *Шропширцев*, который казался вполне довольным тем, что у него есть несколько человек с гранатометами *ПИАТ/PIAT* наготове на случай, если *Пантеры* продолжат атаку, я немного успокоился. Вскоре после этого Питер Элстоб (Peter Elstob), один из капралов — командиров танков Бака Кайта, доложил, что Бак тяжело ранен, его танк выведен из строя, а еще один танк в его взводе потерян безвозвратно.

Полковник вышел в эфир, чтобы сообщить мне, что эскадрон Гвардейской Бригады подойдет слева для нашей поддержки на том фланге. Тем временем Нил Кент собрал свой взвод вместе с остатками взвода Бака и предпринял решительную попытку пересечь железнодорожную линию и войти в деревню, но доложил, что его задерживает огонь противотанковых пушек, спрятанных среди домов. Я собрал свою половину эскадрона, быстро выдвинулся к линии железной дороги, и мы заняли там позиции, откуда могли поддерживать нашу пехоту, входившую в деревню. *Шропширцы* продвигались успешно при превосходной поддержке нашей собственной мобильной пехоты — Роты *G* Стрелковой Бригады, и очень скоро деревня была в наших руках. Мы смогли пересечь железную дорогу и обеспечить непосредственную поддержку пехотинцам, пока они зачищали очаги сопротивления. Одна *Пантера* была подбита на рыночной площади, прежде чем деревня была окончательно очищена. Когда прибыл полковник со своим штабом, он сообщил мне, что Эскадрон *C* успешно поддержал батальон шропширцев во время его занятия Ле-Бени-Бокаж, так что обе деревни теперь были в наших руках.

Затем последовал очень неприятный период ближних боев в роли поддержки пехоте в этой неподходящей для танков местности. Это, однако, дало нам колоссальный опыт взаимодействия с пехотными ротами. Иногда мы работали со *Шропширцами*, на следующий день с *Херефордширцами* и так далее, что давало нам возможность близко узнать командиров различных рот. Я совершенно уверен, что этот опыт в значительной степени способствовал успехам, которые пришли позже.

Один из таких эпизодов произошел, когда мы наступали на Флер/Flers у гряды Ле-Бар-Перье/Le Bar Perrier. Рота *Шропширцев* окопалась на ней, но была окружена вражескими танками. Эскадрон 23-го Гусарского Полка под командованием Лена Хаггера (Len Hugger), моего хорошего друга, был послан вперед для их поддержки, но после примерно двадцати четырех часов постоянных атак *Пантер* на его тылы потерял около половины своего состава. Около 3 часов ночи полковник приказал мне вести эскадрон на гряду, чтобы сменить Хаггера. Это означало прохождение через занятую врагом деревню, которая подвергалась сильному обстрелу нашей артиллерией.

Я приказал выступать: взвод Джонни Лэнгдона впереди, мои штабные танки следом и остальной эскадрон в тылу. Я велел всем командирам проходить деревню на скорости — приказ, который, думаю, был излишним, так как почти все дома горели и никто не желал там задерживаться. Мы пронеслись через неё на скорости около 25 миль в час, не встретив врага, и начали подъем на холм в направлении танков Лена Хаггера, некоторые из которых, как мы видели, горели. Я нашел командира эскадрона, пытавшегося собрать свои машины. Он был рад меня видеть и приветствовал ироничным комментарием: «В славное местечко ты прибыл, Билл. Надеюсь, тебе повезет больше, чем мне!». Он сказал мне, где найти

командира пехотной роты, и довольно поспешно уехал в тыл, бросив на прощание: «Большинство моих танков подбили сзади». Не очень обнадеживающая информация.

Я проехал вперед и доложил пехотному командиру, что я на позиции и что мы будем в готовности к рассвету. Я велел всем командирам танков загнать машины за живые изгороди, чтобы обеспечить максимальную маскировку, и мы стали ждать зари. Когда стало светать, мы были в танках в полной боевой готовности, настороже и в ожидании того, что на нас вот-вот посыпется град снарядов. Ничего не произошло, всё было тихо, и через некоторое время я приказал заварить чай. Мы все были вне танков, мой собственный экипаж увлеченно готовил завтрак, когда после оглушительного удара башня моего танка разлетелась на куски, осыпав нас металлом. Кроме нескольких царапин, никто не пострадал, если не считать того, что моей гордости был нанесен урон. Я велел всем экипажам замаскировать свои танки, и вот мой собственный танк выведен из строя. Это был один-единственный снаряд, выпущенный врагом. По-видимому, противник отошел со своих позиций перед *Шропширцам*и, оставив напоследок одну противотанковую пушку, чтобы сделать по нам финальный выстрел. Вскоре после этого я получил приказ вернуться в расположение батальона и довольно пристыженно доложил командиру полка о потере танка.

Через несколько дней мы захватили Флер. Солдат противника в нем было немного, и это был первый крупный город, захваченный нами. Танки не задержались в городе надолго, но нашей пехотной бригаде повезло провести во Флере несколько дней, празднуя с восторженными горожанами.

После этого неприятного периода, проведенного в краю живых изгородей 3-й КТП был рад достичь Л'Эгля/L'Aigle и получить пять дней отдыха. Мы припарковали наши танки в садах вокруг города и принялись наслаждаться жизнью. Мы смогли помыться, что было крайне необходимо, постирать грязную одежду и в целом заняться «самодезинфекцией». Местный мэр устроил киносеанс, также в городе были организованы танцы. Однако пыл бойцов несколько поубавился, и танцевальный вечер оказался не столь успешным, как мог бы, так как почти всех местных дам сопровождали либо их матери, либо французские друзья-мужчины. Удовольствие, полученное мною от этих нескольких дней отдыха, было подпорчено приступом болезни, который свалил меня на весь этот период времени. У меня развился вирус, и на коже появилась сыпь, что оказалось рецидивом малярии — того, чего не случалось со времен моего пребывания в Африке.

Когда мы двинулись дальше, нашей целью было наступление к Сене/Seine, что было частью плана по закрытию кольца окружения у Фалеза. Канадцы и 1-я Польская Танковая Дивизия сжимали его вокруг немцев с одной стороны, а американцы — с другой. 11-я Танковая Дивизия должна была удерживать дно *мешка*. История Фалезского котла хорошо известна: было захвачено 40 000 пленных, а бесчисленное количество танков, самоходок и других бронемашин уничтожено. У нас не было времени задерживаться: 28 августа мы двинулись дальше и переправились Сену у Вернона/Vernon. Это стало началом одного из самых захватывающих и знаменательных наступлений танковой дивизии во Второй Мировой войне: за восемь дней было пройдено 386 миль, после чего был захвачен порт Антверпен.

Марш на Амьен

Следующей задачей 11-й Танковой Дивизии было продвижение с предельной скоростью к Амьену/Amiense и захват мостов через Сомму/Somme. На этом рубеже нам предстояло закрепиться. На совещании у моего командира полка я узнал, что 3-й КТП возглавит правую колонну дивизии в марше к Сомме. Я также узнал, что мой эскадрон снова будет *на острие*.

На часах было восемь часов вечера, было пасмурно, батальон был занят заправкой машин и пополнением боезапаса. Люди были измотаны и хотели только одного — прилечь. Было

дано разрешение заварить чай, и по возвращении в эскадрон мне в руки сунули кружку горячего чая. Мои командиры танков собрались в ожидании моего возвращения. «Приказы, сэр?». Они были просты: «Сворачиваемся и готовность через тридцать минут. Мы выдвигаемся на Амьен по тридцатиминутной готовности. Наш эскадрон идет первым». - «Поехали, опять двадцать пять», — сказал кто-то. «Твой эскадрон идет впереди, Билл, - сказал мне командир полка. - Не позволяй ничему заставить тебя остановиться».

К этому времени пошел сильный дождь. Амьен лежал более чем в двадцати милях пути через занимаемую противником территорию. Лунного света не было. Я сказал командиру 1-го Взвода: «Джонни, твой взвод идет первым. Ни перед чем не останавливайся». Мой эскадрон уже стоял во главе колонны в деревне Фонтен-Боннельё/Fontaine Bonnelieu. Я должен был повести эскадрон: 1-й Взвод впереди, мои штабные танки следом, и остальные машины замыкают. За нами вплотную должна была продвигаться Рота *G* Стрелковой бригады на бронетранспортерах и грузовиках, затем остальные танки батальона и пехота.

Дождь стекал по корпусам *Шерманов*, пока я шел вдоль строя, чтобы убедиться, что каждый командир танка знает, что от него требуется. Около 22.30, в кромешной тьме, началось наступление. Все приготовления были сделаны; теперь всё зависело от водителей. Сжавшись в башнях, командиры изучали карты при тусклом свете, в наушниках гудело, а вода стекала им за шиворот. Радисты возились с рациями, а наводчики 75-мм пушек, проверив и перепроверив боекомплекты, сидели сгорбившись, мокрые и усталые, за своими бесполезными прицелами. Они могли позволить себе немного расслабиться. Однако для водителей облегчения не было. Перед первым *Шерманом*, танком Джонни Лэнгдона, простиралась незнакомая дорога, иногда отражающая тусклый блеск далеких прожекторов. Высунув голову из открытого люка, водитель мог только вглядываться в темноту и повиноваться инструкциям. Голова, торчащая из люка на другой стороне корпуса, принадлежала помощнику водителя, который стоял за пулеметом калибра *.30*. Если возникнут неприятности, они пострадают первыми.

Для водителей, идущих следом, вопрос заключался в поддержании необходимой дистанции и в том, чтобы не терять из виду темный силуэт впереди. В отличие от цирковых слонов, у нас не было хвостов, за которые можно было бы держаться. Тем не менее, «цирк» ехал в город. Миля прошла без происшествий. И еще одна. Сонный гул в наушниках прервался треском. Сообщение от командира полка было: «Вперед — вперед!». Появилась гряда холмов, силуэты которых вырисовывались в мягком голубом свечении далеких прожекторов, всё еще обшаривающих небо. «Продолжай движение, *Sugar One*. Жми вперед». Водитель машины *Sugar One*, головного танка, поддерживал скорость, держа в руках рычаги управления.

События начали происходить на первом (и единственном) перекрестке между нашим стартовым пунктом и окраинами Амьена. *Sugar One* доложил о присутствии на дороге колонны конной артиллерии, находившейся слишком близко, чтобы задействовать пушки. «Окей, *Sugar One*. Проезжай прямо через них. Дави всё, что попадется на пути. Конец связи». Вскоре мы наткнулись на разбитые повозки и на корчащихся в судорогах лошадей. Неясные тени метались по окрестным полям. «Продолжай движение. Жми вперед». Слова монотонно летели от командира полка ко мне, к экипажу *Sugar One*, к другим водителям, напряженно всматривающимся в темноту: «Продолжай движение!».

Еще через две мили, при видимости до двадцати футов, прямо перед головным танком появился *фольксваген*. Джонни, у которого в ушах звенели мои постоянные призывы, приказал водителю ускориться и обойти его. Маленькую машинку дико занесло, и она была раздавлена. Хотя пассажир погиб, водитель сумел выбраться и, пока *Шерман* маневрировал, освобождаясь от обломков, начал заикаться и кричать. Когда до него дошло, что это не немецкий танк его сбил, он разразился истерическим смехом и побрел

вдоль колонны. Сквозь ночь до нас донеслись слабые звуки автоматического огня, когда двигатели снова взревели.

Снова гудение — снова треск. У экипажа *Sugar One* была бурная ночь. На нашем пути был припаркован крупный объект, наполовину блокирующий его. «*Я Sugar One* — атакую вражеский танк на дороге передо мной, конец связи!». Колонна замедлила ход. В каждой башне вспыхнул интерес к происходящему, наводчики сменили позы, радисты снова закрутили ручки настройки. Из своей башни я увидел три вспышки подряд. Чернильная тьма снова сомкнулась над нами, чтобы вскоре быть рассеянной шаром оранжевого и желтого пламени, разбросавшим горящие обломки на большой площади. Сильная детонация указывала на то, что вражеский танк имел на борту полный боезапас. Наш танк выпустил три бронебойных снаряда с дистанции двадцать футов и быстро отошел назад. Трое танкистов, которые, вероятно, спали, выбрались из подбитой машины и пробежали несколько ярдов, прежде чем танк взлетел на воздух. Это был, пожалуй, самый большой и эффектный взрыв, который мы видели за долгое время.

Примерно в трех милях от Амьена мы съехали с дороги. Я понял, что мы изрядно оторвались от остальной колонны, не считая Роты *G*. Я быстро переговорил с Ноэлем Беллом, и мы решили подождать, пока остальные нас догонят. Я даже разрешил по-быстрому заварить чай, но первые кружки едва были выпиты, как нам приказали двигаться на полной скорости. Я поставил другой взвод вперед, чтобы дать передышку Взводу *Sugar One*.

То, что говорят о холодном свете зари — правда: он помогает сосредоточить мысли. Хотя появление на дороге немецкой машины, едущей по своим обычным делам, подразумевало, что враг всё еще не подозревает о нашем присутствии, я чувствовал, что это невероятное положение дел долго не продлится.

Мы поражали цель за целью. Местность была завалена горящими обломками и кишела бегущими человеческими фигурами. Где-то должны были зазвонить колокола тревоги; возможно, ночной переход оказался легкой частью марша. Я в это не верил — мой прежний опыт говорил: «Нет, ничего не бывает легко». Идея ворваться в неизвестный город мне совсем не нравилась. Я слишком хорошо помнил Кале. Об Амьене я знал только то, что он дал имя великой битве, в которой *Танковый Корпус* сыграл ведущую роль в Первой Мировой войне. Мы уже проехали одно или два британских военных кладбища. После четырех лет оккупации, в течение которых его товарная станция и окружающая железнодорожная сеть регулярно подвергались бомбардировкам, город был в запустении. Громыхая по неровной брусчатке, мимо участков пустырей, рядов унылых домов и полуразрушенных фабрик, я подумал: «Что за место, чтобы за него умирать!». Водитель и помощник уже закрыли свои люки, и я опустился глубже в башню: слишком много командиров танков получили пулю в голову. Вооруженные люди, стоявшие на углу, просигналили нам остановиться. Несколько *Браунингов* развернулись в их сторону. Они оказались бойцами *Сопротивления* из хорошо организованного отряда *маки*. Я с тревогой спросил их о лучшем пути к мосту *Le Pont*. Они сказали, что могут показать дорогу, но знаю ли я, что в городе около 4 000 вражеских солдат, и у некоторых частей есть противотанковые пушки?

На этом этапе мой эскадрон состоял из десяти танков. Ноэл Белл, подошедший для совещания, жалобно сообщил мне, что в его роте осталось семьдесят стрелков. Тем не менее мы решили, что, поскольку остальные силы 3-го КТП и Стрелковой Бригады находятся на подходе, мы будем прорываться, при этом головные танки будут прикрываться остальными. Баррикады бесполезны, если они не построены основательны и плохо защищены. Врагу не дали времени организоваться, и на первой же баррикаде все мы во все глаза высматривали противника.

Бах! Немецкий наводчик, должно быть, нервничал. Его выстрел разнес магазин скобяных изделий, и прежде чем он успел выстрелить снова, его позиция была подавлена огнем пулеметов *Browning* калибра *.5.* Брошенный грузовик и пара телег были сметены в сторону *Шерманом*, и мы двинулись дальше. Впечатленные этим успехом, возбужденные партизаны-*маки* взобрались на броню танков и показывали нам путь вперед и известные им позиции врага. Здания становились выше, а на затылке всё сильнее покалывало, но постепенно, постреливая время от времени, мы пробились к реке. И вот он — большой мост, пустынный. Я осмотрел дома на дальнем берегу в бинокль, но не увидел признаков активности. Жители Амьена разумно затаились. Как и враг.

Я приказал *Sugar Three* пересечь мост, и первый *Шерман* быстро переехал его, доложил об отсутствии сопротивления и был немедленно поддержан остальным взводом. Я приготовился присоединиться к ним. Мой водитель тронулся вперед — мы выехали из укрытия боковой улочки, прибавили скорость и уже поднимались на подъездную дорогу, когда всего в нескольких ярдах от нас мост окутался дымом и с шумом рухнул в реку. Поспешно сдав назад в укрытие, мы ждали, пока уляжется пыль. Я быстро велел своему командиру взвода на той стороне занять позицию для наблюдения и увидел, как их выхлопной дым исчез среди безмолвных домов. Было чуть больше 7 часов утра.

Я был несколько обеспокоен судьбой своего взвода на другой стороне реки, но один из возбужденных партизан, сидевших на моем танке, сказал, что всего в 800 ярдах есть другой мост, не заминированный и охраняемый его отрядом. Мы могли переправиться там. Я описал своему оказавшемуся в изоляции командиру взвода, Биллу Йейтсу, ситуацию и сказал, что надеюсь, остальной эскадрон скоро будет с ним. Он был весьма возбужден, докладывая, что прямо за углом от его позиции стоят четыре 88-мм противотанковых орудия, уже прицепленных к полугусеничным тягачам и готовых к отходу. Я велел ему не слишком ввязываться в бой, но, по возможности, предотвратить их бегство. Я пообещал поддержку как можно скорее. В итоге он перекрыл дорогу с обоих концов и захватил все четыре пушки вместе с расчетами. Позже он был награжден *Военным Крестом* за этот эпизод.

Затем я перевел остальную часть эскадрона ко второму мосту, который удерживали *маки*. Мы переправились, и к этому времени наша пехота заняла мост без всяких проблем. Вся дивизия в итоге использовала этот мост для переправы через Сомму. Соединившись со взводом Билла Йейтса, я нашел его охраняющим 88-мм пушки и около пятидесяти довольно унылых немцев, сидящих на обочине. Это стало достойным завершением нашего броска на Амьен.

На Антверпен

После нашего успеха в захвате Амьена в 3-м КТП царила определенная доля оправданной эйфории, которая была еще больше усилена поздравительным письмом от командующего армией генералу Робертсу, переданным затем в передовые части. Нам не позволили задерживаться в Амьене или почивать на лаврах, так как на следующий день, 1 сентября, мы узнали, что должны продвигаться с максимальной скоростью — возможной целью был Брюссель. Мы находились слева от оси наступления дивизии, Эскадрон *B* шел впереди. Мой эскадрон был в резерве, поэтому ожидался довольно спокойный день. В первый день нам удалось преодолеть около пятидесяти миль при очень незначительном сопротивлении противника. Мы провели довольно неуютную ночь, остановившись у обочины дороги, в течение которой попали под артиллерийский обстрел, заставивший нас залезть в танки. Также было одно или два сообщения о группах противника с *панцерфаустами*, атакующих 23-й Гусарский Полк справа от нас.

На следующий день мы продолжили наступление, Эскадрон *C* под командованием Джонни Данлопа шел впереди. Около 14.00 мы остановились примерно в пяти милях к юго-западу

от Лилля, который, как мы понимали, все еще удерживался немцами. Нам не дали приказа атаковать город, и мы гадали, почему. Мы просидели остаток дня и снова провели довольно неприятную ночь на обочине. Однако затем мы узнали причину: нашей целью должен был стать не Брюссель, а порт Антверпен.

У нас возникла некоторая проблема, так как наш офицер разведки не смог найти достаточно карт для всех, а те, что у него были, имели очень мелкий масштаб. Мы получили приказ выступать очень рано 3 сентября, и когда я подошел к танку полковника за приказами, мне сказали, что Эскадрон *A* будет на острие наступление. В самом начале произошло небольшое оживление, когда офицер связи батальона, обследуя небольшой лес, вышел оттуда с пятьюдесятью пленными и ведомостью на выплату жалованья их роте! Они казались вполне довольными тем, что сдаются.

Мы двинулись дальше, 1-й взвод Джонни Лэнгдона шел впереди; наша цель, Антверпен, лежала примерно в девяноста милях впереди, и, несмотря на инструкции двигаться на максимальной скорости, я проинструктировал своих командиров танков опасаться засад *фаустников*. Их излюбленным приемом было лежать неподвижно в канавах у дороги, пропускать головные танки, а затем вставать и бить в борт ближайшего танка. Мы продвигались без каких-либо проблем, пока не оказались примерно в миле от города Секлен/Seclin, который лежал прямо на нашем пути. Я не был уверен, занят ли город, но так как с моим головным взводом были две *Милашки* из разведвзвода, я приказал им провести разведку. Они продвинулись всего на 100 ярдов, когда с оглушительным грохотом обе *Милашки* слетели с дороги, объятые пламенем. По звуку взрыва мы поняли, что поблизости 88-е.

Я приказал эскадрону укрыться, пока я оценивал обстановку. Когда я рассматривал в бинокль леса и сады вокруг города, мне показалось, что я вижу несколько орудийных позиций то там, то тут. Я доложил командиру полка, что, по моему мнению, город занят противником, который для обороны располагает противотанковыми пушками. Решение полковника заключалось в том, что Эскадрон *A* на скорости промчится по открытым полям, ведущим к городу, чтобы вызвать огонь противника на себя, в то время как Эскадрон *B* затем приблизится и атакует выявленные таким образом вражеские позиции. Излишне говорить, что, когда я изложил этот план своим командирам взводов, он не был встречен с большим энтузиазмом. Я приказал двигаться более или менее в линию, и мы направились к окраинам города. Прямо перед садами был участок непростреливаемого пространства, и я надеялся, что мы доберемся до него без слишком больших потерь. Думаю, вражеские артиллеристы были весьма удивлены, увидев столько *Шерманов*, приближающихся на скорости, и их огонь был довольно беспорядочным: хотя бронебойные болванки свистели вокруг нас, нам удалось добраться до укрытия в «мертвой зоне».

Нил Кент, мой заместитель, доложил, что его танк зацепило, но обошлось без пробоин, и был поврежден лишь еще один танк. Мы смогли занять хорошие позиции типа *башня над землей* и обеспечили отличную огневую поддержку Эскадрону *B*, когда тот входил в город. Я приказал эскадрону наступать, и 1-й Взвод быстро вступил в центр города, уничтожив по пути противотанковую пушку вместе с расчетом. Я въехал в город с остальной частью эскадрона без каких-либо дальнейших проблем. Эскадрон *B* подбил несколько противотанковых пушек, смяв целую батарею, и разогнал отчаянно удирающую транспортную колонну, пытавшуюся вырваться из города. К полудню город был в наших руках. Тем временем Джонни Лэнгдон тихо сообщил мне, что один из его командиров танков нашел огромный склад, забитый ящиками и коробками с маркировкой *Только для Вермахта*. Они были полны бутылок шампанского, бренди, вина и ликеров. Я велел всем своим командирам танков незаметно подогнать танки к складу, и когда наступление возобновилось, в большинстве танков эскадрона под спальными мешками позади башен были спрятаны ящики с бренди и шампанским.

Примерно в это же время мы услышали шум боя с нашего правого фланга. 23-й Гусарский Полк вел тяжелый бой: вражеские танки и артиллерийский огонь доставляли им немало хлопот. Появился один *Тигр* и подбил несколько наших небронированных машин, но был атакован нашими двадцатипятифунтовками с близкого расстояния и отогнан. Хотя этот бой задержал колонну снабжения примерно на два часа, 23-й Гусарский Полк сообщил, что они пересекли границу и в 14.00 были в Турне. Около 15.30 3-й КТП с Эскадроном *A* в авангарде достиг границы в Виллеме. Один довольно восторженный субалтерн вышел в эфир и сказал: «Неужели никто не понимает, что мы уже в Бельгии?». Так как мы весьма гордились своей дисциплиной в радиоэфире, всем было очень интересно услышать ответ командира полка, который был, мягко говоря, красочным.

Продвигаясь по извилистым дорогам, ведущим к каналу Эско/Escaut, мы выслали вперед разведгруппу, чтобы проверить, цел ли мост. Сержант доложил, что его так и не отремонтировали после того, как он был взорван в 1940 году. Около Варкуэна/Warcoing Билл Йейтс, командир моего 2-го Взвода, проводивший разведку вдоль канала, нашел деревянный мост, который не был поврежден. При осмотре я засомневался, выдержит ли мост колонну *Шерманов*. Я подозвал *Милашку* из разведвзвода, решив протестировать его более легким танком. Проблем не возникло, и затем *Шерман* медленно перекатился на ту сторону. Мост немного заскрипел, но выдержал, и остальные переправились по одному.

С некоторым облегчением мы получили приказ командира полка двигаться дальше на Рене/Renaix. Начался сильный дождь, делая обстановку трудной и унылой, но город был не занят врагом, и население обезумело от радости. Мы не остановились, а стали пробиваться дальше к Ауденарде/Audenarde. Мой эскадрон в авангарде сменил Эскадрон *C* Джонни Данлопа. Всегда приятно быть в резерве, иметь возможность немного расслабиться. Головной танк, головной взвод или головной эскадрон — это не те позиции, которым стоило завидовать на этих последних этапах кампании.

Батальон остановился возле Зоттегема/Zottegem для заправки. Пока стояли, один из *Шерманов* Эскадрона C был подбит 88-мм противотанковой пушкой, с которой очень быстро расправились другие танки. Произошла короткая вспышка активности со стороны *фаустников*, но *Шерманы* обстреляли живые изгороди и канавы из своих пулеметов, в конце концов заставив нескольких немецких солдат выйти из тени с поднятыми руками. Они сгрудились вместе — кучка людей жалкого вида под проливным дождем — пока не нашлась охрана из нашей пехоты.

Около 3 часов ночи мы встали лагерем чуть восточнее города Алст/Alost. Мы все очень промокли и замерзли, и большинство из нас даже не стали натягивать брезентовые навесы, а спали внутри своих танков или под ними. Квартирмейстер Пэдди Хехир прибыл с пайками. Я всегда был особенно рад видеть Пэдди. Мы были сержантами вместе еще до войны, когда батальон стоял в Уорминстере. Обычно ему удавалось привозить мне чистую одежду, а иногда и бутылку виски. С некоторым ужасом мы узнали, что в штабе бригады прослышали о нашем неожиданном запасе горячительного, и он получил приказ изъять его у нас. В итоге почти всем удалось припрятать кое-что, и Пэдди в итоге досталось только самое дешевое белое вино. Штаб бригады обещал, что оно будет распределено позже, но это был последний раз, когда мы его видели.

Около 05.30 следующего утра у танка командира полка мы узнали, что должны наступать на Антверпен. 23-й Гусарский Полк будет справа от нас, а 3-й КТП должен попытаться войти в город прямо по главной дороге через Бом/Boom. Эскадрон *C* Джонни Данлопа пойдет первым, мой эскадрон — в непосредственной поддержке. Эскадрон *B* со своим командиром Джоком Балхарри будет в резерве, но также попытается найти другой путь в город через каналы, окружающие его с южной стороны.

Мы успешно продвигались до Бума, но Джонни Данлоп обнаружил, что главный мост через канал заминирован. К счастью, гражданский из местных по фамилии Векеманс, бельгийский инженер и участник *Сопротивления*, показал командиру эскадрона мост поменьше, с которого он сам снял мины незадолго до нашего прибытия. Позже я узнал, что он был награжден *Военным Крестом* за свои действия. Весь батальон смог пересечь мост и войти в город, но не без волнений. С некоторых ДОТов на другой стороне реки по нам вели огонь из стрелкового оружия, и позже я узнал, что Джок Балхарри был тяжело ранен при переправе через мост.

Мне дали инструкции свернуть налево от Эскадрона *C* и пробиваться к главному железнодорожному вокзалу. Эскадрон Джонни Данлопа с Ротой *G* Стрелковой Бригады должен был как можно быстрее достичь доков. Город был в смятении. Колонны немецкой конной артиллерии метались туда-сюда, и экипажи *Шерманов* расстреливали их из пулеметов, велся сбор пленных. Бельгийское население хлынуло на улицы, и продвигаться стало почти невозможно. Каждый танк приветствовали ликующие толпы, люди карабкались на башни, экипажи осыпали цветами, бутылками и поцелуями. На каком-то этапе этой ранней эйфории один из гражданских на моем танке, человек в довольно грязном старом плаще с автоматом *Стен* через плечо, сказал, что он член *Сопротивления* и может показать мне путь к вокзалу. Собрать мой эскадрон, когда танки были окружены толпами людей, было трудно, но по радио я велел им стараться следовать за моим танком. Полковнику Силвертопу также было очень трудно продвигаться в такой обстановке со своим батальоном, и его часто повторяемое «вперед» почти не имело эффекта. Однако затем огонь из стрелкового оружия из одного многоквартирного дома разогнал большую часть гражданских с улиц, и мы смогли двигаться дальше.

Один дружески расположенный по отношению к нам гражданский назвался Гастоном де Лосни (Gaston de Lausney). Он идеально говорил по-английски, и я понял, что он учитель. Я велел ему оставаться рядом и под его руководством сумел провести большую часть своих танков через несколько боковых улочек к вокзалу. Когда мы приблизились к зданиям вокзала, мы попали под огонь как из стрелкового оружия, так и как минимум одной противотанковой пушки.

Со мной была рота 1-го Херефордширского Полка; по крайней мере, я так думал, но переговорив с их командиром роты, я узнал, что он смог собрать только около тридцати стрелков: большинство остальных растворились в толпах восторженных горожан. К этому времени мы были полностью изолированы от остальной части батальона, но по информации, поступавшей по радио, я понял, что Эскадрон *C* достиг портовых причалов, ликвидировав по пути очаги сопротивления врага. Они были целы и невредимы, и эскадрон при содействии Роты *G* провел остаток дня, разбираясь с небольшими группами противника и обеспечивая сохранность портовых сооружений. Штаб батальона с Эскадроном *B* и 4-м Батальоном *Шропширцев* под личным командованием бригадира Черчера (Churcher) зачистили Центральный парк, где была сосредоточена большая часть немцев. После ожесточенного боя вражеский гарнизон сдался. Генерал фон Штольберг (вероятно, Christoph Graf zu Stolberg-Stolberg, 1888-1968) и около 6 000 немецких солдат были взяты в плен. Я был занят попытками зачистить железнодорожный вокзал, но вводить танки в дело становилось всё труднее, так как гражданские снова начали толпиться на улицах. Я подогнал свой танк вплотную к кафе напротив входа в вокзал и сумел расстрелять в упор группу пехотинцев противника, собравшихся вокруг противотанковой пушки. Мой наводчик уничтожил ее, а отделение *Херефордширцев* собрало около сорока немцев, которые, я уверен, были весьма рады тому, что война для них окончилась.

Вокруг всё еще было немало вражеских солдат. Один из гражданских в кафе сказал мне, что прямо за углом от вокзала в большом частном доме находится немецкий штаб. Он предположил, чтобы пара выстрелов из «большой пушки» — имея в виду семнадцатифунтовку — легко решила бы дело. Были произведены два выстрела, которые

вынесли окна в доме, и довольно ошеломленные немецкие штабисты вывалились наружу и сдались командиру танка. Окно кафе также обрушилось к восторгу толпы внутри. Пустые гильзы затем были выставлены на витрине. (Спустя годы, во время визита в Антверпен, я сумел найти это кафе — гильзы всё еще гордо красовались на витрине).

Моя задача еще не была полностью решена, хотя практически всё сопротивление в городе прекратилось. Мне велели собрать мой эскадрон в районе вокзала и оставаться там. Штаб полка с двумя другими эскадронами был отведен в большой замок на окраине города. Бельгийские граждане теперь откупоривали бутылку за бутылкой шампанского, и развернулась довольно буйная вечеринка. Я поддерживал постоянную связь с адъютантом по радио и предлагал, чтобы нас тоже отвели. Я немного беспокоился, что ситуация может выйти из-под контроля. Командир роты *Херефордширцев* также был озабочен своей пропавшей ротой. Только к рассвету я получил приказ отойти и присоединиться к батальону на территории замка.

Это был невероятный день, практически весь город был в наших руках. Одним небольшим разочарованием стал тот факт, что главный мост через канал в Антверпене был взорван уже после того, как мы заняли город. Это сделало пригород Мерксем/Merxem недосягаемым, и враг в полной мере воспользовался этой ошибкой. (Генерал Робертс в своей книге *От Пустыни До Балтики*/*From the Desert to the Baltic*) предположил, что эта оплошность с захватом моста при входе в город была, вероятно, набольшей ошибкой из совершенных им за всю кампанию).

Следующие несколько дней были потрачены на техобслуживание наших танков, переформирование и получение пополнений после нашего лихорадочного наступления от Нормандии до Антверпена. 386 миль за восемь дней было весьма выдающимся достижением. Этот эпический бросок танковой дивизии был беспрецедентным во ВМВ. Это путь не был легким, и на каждом шагу нам противодействовали решительно действующие немецкие арьергарды. Эта операция также сказалась на состоянии некоторых танковых экипажах, включая мой собственный. С тех пор как у нас было несколько дней отдыха в Л'Эгле, я страдал от какого-то вируса, и только после осмотра дивизионными медиками мне сказали, что у меня малярия. Однако приступ был более серьезным, чем я думал, и несмотря на мои протесты мне приказали лететь домой следующим же самолетом.

Приземлившись в Великобритании, я был немедленно отправлен в госпиталь *Netley* для тщательного обследования. Через три или четыре дня меня перевели в военный госпиталь *Cambridge* в Олдершоте, где я провел следующие три недели. После выписки из госпиталя мне удалось получить несколько дней отпуска перед тем, как присоединиться к 152-му Полку Королевского Танкового Корпуса — дислоцированному недалеко от Ньюмаркета/Newmarket подразделению для выздоравливающих. Во время моего пребывания там я получил известие, что награжден планкой к *Военному Кресту* за свои действия при захвате Амьена и моста через Сомму. Рождество я провел в доме моих родителей в Аппингеме вместе со своей женой, которая также присоединилась к нам, получив отпуск.

В начале февраля я получил приказ вернуться в 3-й КТП, который наслаждался заслуженным отдыхом в Поперинге после успешных действий в Арденнском сражении, где он уничтожил несколько боевых машин 2-й Танковой Дивизии немцев у Динана/Dinant. Батальон только что принял новые британские танки *Комет/Comet* и был занят подготовкой к форсированию Рейна. Я надеялся принять свой старый Эскадрон *A*, но новый командир полка, подполковник Тедди Митфорд (Teddy Mitford), решил, что Нил Кент, мой прежний заместитель, должен остаться на этой должности после производства в майоры. Однако был свободен Эскадрон *B*, и я был вполне доволен тем, что принял новое командование. Моим заместителем был капитан Фредди Дингвелл (Freddy Dingwell), которого я очень

хорошо знал, а командирами взводов были Уодсворт (Wadsworth), Райлендс (Rylands), Рикеттс (Ricketts) и Монтгомери — все они были в батальоне со Дня *Д*.

За время моего отсутствия в 3-м КТП произошло немало событий. Полковник Дэвид Силвертоп погиб при весьма трагических обстоятельствах, когда батальон даже не вел ближнего боя. Группа старших офицеров, включая бригадира Роско Харви (Roscoe Harvey), командира бригады, и полковника Силвертопа, проводили совещание у обочины дороги, когда два немецких полугусеничных бронетранспортера выехали из близлежащего фермерского двора, обстреляв группу. Полковник Силвертоп, подполковник Орр (Orr, командир батальона *Монмутширцев*) и один капрал были убиты на месте, в то время как бригадный генерал Харви был легко ранен. То, что с бронетранспортерами тут же расправились, не было утешением. Для командования батальоном прибыл подполковник Тедди Митфорд, которого я очень хорошо знал.

Бросок к Балтике

Мне повезло, и я провел несколько дней в Поперинге/Popering, чтобы ознакомиться со своим новым эскадроном. Я знал большинство командиров взводов и нескольких старших сержантов, но во время моего отсутствия батальон участвовал в боях в Голландии и Арденнах. Имелись потери, и потребовалось пополнение экипажей.

Также мы все были заняты освоением нашего нового танка — *Комет*. Мы сочли его отличной машиной. Он был вооружен лучше *Шермана* и имел гораздо более низкий силуэт, был очень быстрым и маневренным, а 77-мм пушка оказалась чрезвычайно эффективным оружием. Мы надеялись, что *Комет* будет вооружен семнадцатифунтовкой, как *Шерман Файрфлай/Firefly*, но установить её в башню оказалось невозможно. Мы утешали себя мыслью, что, возможно, на этом этапе войны нам не встретится много *Тигров* или *Пантер*. Мы также чувствовали, что сражение в Арденнах, вероятно, было последним крупным столкновением бронетехники, и отныне всё сведется к борьбе с немецкими арьергардами — операциям, в которых они, по опыту, были чрезвычайно хороши.

Танк Комет 3-го КТП в Европе. 30 марта 1943 года

Незадолго до отъезда из Поперинга на совещании у командира полка мы узнали, что 11-я Танковая Дивизия не будет участвовать в первоначальной операции по форсированию Рейна, но совместно с 6-й Воздушно-Десантной Дивизией примет участие в броске к Эльбе. Соответственно, мы выдвинулись к Рейну у Везеля/Vesel и без затруднений пересекли реку по длинному мосту *Бейли*. Везель был полностью разрушен в результате тяжелых бомбардировок обеими сторонами и представлял собой просто груду щебня.

Нашей первой целью был город Бургштайнфурт/Burgsteinfurt. 3-й КТП с пехотой 1-го Херефордширского Полка на броне выдвинулся к городу, который оказался довольно сильно укреплен. В Эскадроне *A*, шедшем впереди, была подбита пара танков, и было решено, что пехотная бригада предпримет массированную ночную атаку. Это оказалось непросто, но после тяжелых боев город был взят батальонами 4-го Шопширского и 1-го Херефордширского полков при поддержке эскадронов *B* и *C* 3-го КТП. Во время уличных боев были подбиты три танка Эскадрона *C*, а два танка моего эскадрона также сгорели в результате атак *фаустников*. На следующее утро мы двинулись дальше с Эскадроном А в авангарде, но наступление было задержано небольшой рекой, здесь саперы быстро навели мост под прикрытием роты Стрелковой Бригады. Нам приказали встать лагерем на ночь, большинству танков — у обочины дороги. Из-за шума, связанного с работой мостоукладчиков и транспортных средств, участвовавших в ночных операциях, поспать почти не удалось.

На совещании у полковника Митфорда в ту ночь нас предупредили, что наступление продолжится на рассвете с Эскадроном *C* в авангарде, а следующей целью 3-го КТП станет река Эмс/Ems у Эмсдеттена/Emsdetten. Головной эскадрон достиг Эмса около 07.30 утра, но обнаружил, что мост там разрушен, поэтому командиру эскадрона велели прорываться

к Мезуму/Mesum, где надеялись найти целый мост. Однако и в Мезуме моста не оказалось, но майор-сапер, ехавший с головным эскадроном, счел это место более подходящим для наведения переправы, чем Эмсдеттен, и вызвал свою команду. Работа закипела под охраной роты 8-го Батальона Стрелковой Бригады. Дальний берег реки казался незащищенным, и вскоре рота *Шопширцев* переправилась и закрепилась на новом рубеже. Без помех саперы завершили наведение моста к 18.00, и 3-й КТП приготовился к переправе, при этом мой эскадрон шел первым.

Мой головной взвод - 2-й Взвод под командованием лейтенанта Фрэнка Уодсворта - быстро продвинулся вперед и примерно за полтора часа достиг канала Дортмунд-Эмс без каких-либо проблем в пути. Я подтянулся с остальной частью эскадрона. Уодсворт доложил по радио, что оба моста разрушены и на той стороне канала наблюдается активность противника. Этот район был известен как *Teutenberger Wald* - густо заросшая лесом возвышенность с крутыми склонами представляла собой чрезвычайно выгодную оборонительную позицию, которую враг был готов использовать.

Когда я подошел вплотную вслед за 2-м Взводом, мы попали под сильный артиллерийский и плотный пулеметный огонь из густого леса. Для танков это не было большой проблемой, но было очевидно, что ввести в действие саперов для наведения моста будет трудно. Я доложил о ситуации командиру полка и получил приказ укрыться и не ввязываться. Вечером на совещании, где присутствовали бригадиры Роско Харви и Джек Черчер, было решено переправить один эскадрон 3-го КТП через канал той же ночью, используя паром, который отступающий враг оставил целым и невредимым. Я испытал облегчение от того, что для этой операции был выбран Эскадрон *С*. Под командованием Джока Балхарри и совместно с ротой *Шопширцев* они переправились без больших проблем и закрепились на небольшом, но надежном плацдарме на другой стороне. Пытаясь продвинуться через лес, Эскадрон *С* потерял два танка от противотанкового огня, и стало ясно, что враг обладает значительными силами в лесу и над верхней бровкой уступа.

Позже тем вечером наведение моста через канал был завершено, и рано утром остальная часть 3-го КТП присоединилась к Эскадрону *С* на довольно тесном пятачке. Было предпринято несколько попыток расширить плацдарм, но даже при поддержке 2-го Файфского и Форфарского Йоменского Полка, который присоединился к нам, в тот день прогресса почти не было. В ходе одной неудачной атаки *Йомены* при поддержке 1-го Херефордширского Полка и дивизионной артиллерии так и не смогли прорвать вражескую оборону. Некоторым утешением стало уничтожение и захват пятнадцати противотанковых пушек вместе с их расчетами.

Последовали два или три дня тяжелых боев в трудной лесистой местности, в ходе которых враг медленно отступал под прикрытием арьергардных отрядов. На этом этапе 3-й КТП был выведен в резерв, а 2-й Файфский и Форфарский полк продолжил наступление вместе с 3-м Монмутширским Полком, но через несколько дней *Монмутширцы* были выведены из состава дивизии и больше не участвовали в кампании. Это был печальный момент, так как этот полк был с дивизией с самого начала, участвовал во всех тяжелых боях со Дня *Д* и понес тяжелые потери.

Наши несколько дней отдыха стали отличным подспорьем для поднятия боевого духа. Мы смогли устроить помывку и сменить одежду, что всегда положительно сказывается на настроении. Когда мы снова возглавили наступление дивизии, я думаю, большинство из нас было в лучшем расположении духа и настроено более оптимистично. До этого момента было заметно некоторое отсутствие инициативы, и отдельные командиры головных танков неохотно «заглядывали за следующий угол». Позиция головного взвода или танка была незавидной, поэтому для командиров эскадронов стало крайне важно строго чередовать головные взводы, а командирам взводов — головные танки.

Нашей следующей целью был Оснабрюк/Osnabruck, мой эскадрон должен был идти впереди, и, как и под Амьеном, предстоял ночной высматривать *фаустников*. Путь был нелегким, сопротивление немцев — решительным. Мы столкнулись с несколькими укрепленными дорожными заслонами, которые приходилось расчищать под огнем головным танкам, в некоторых случаях при помощи танка, оснащенного бульдозерным отвалом. Радиопозывной бульдозера *George George* постоянно звучал в эфире той ночью. Тем не менее головной взвод без потерь вышел к реке у Эверсхайде/Eversheide, и командир взвода Фрэнк Уодсворт доложил в своей типичной манере: «Я у моста и вижу, что эта чертова штука заминирована. Вижу нечто похожее на две пятидесятифунтовые бомбы, прикрученные сбоку». Когда я подошел к реке и приблизился к мосту, я смог подтвердить его информацию и сам увидел бомбы. Пока я докладывал ситуацию командиру полка, Уодсворт выбрался из танка и несмотря на плотный вражеский огонь с того берега залез на мост и сумел перерезать провода, ведущие к зарядам. Это был чрезвычайно смелый поступок, так как я вполне ожидал, что мост взлетит на воздух в любую секунду. Его взвод быстро пересек мост, за ним вплотную последовали я и остальной эскадрон, в дальнейшем мы заняли позиции для охраны переправы. Захват моста оказался критически важным, так как вся дивизия смогла использовать эту переправу для продолжения наступления. Лейтенант Уодсворт вполне заслуженно получил *Военный Крест* за свои действия.

Следующей целью дивизии было форсирование реки Везер/Weser. 29-я Танковая Бригада с 23-м Гусарским Полком во главе шла по одному маршруту, а 159-я Пехотная Бригада параллельно по другому. Оба соединения добились успешно вышли к реке, где, как и ожидалось, все мосты были взорваны. Саперные группы в Штольценау/Stolzenau и Шлюссельбурге/Schlusselburg быстро приступили к работе, и 8-й Батальон Стрелковой Бригады сумел переправиться через реку и создать прочный плацдарм, несмотря на решительные беспокоящие действия немцев.

Было решено, что это станет основным местом переправы дивизии, но прежде чем инженеры смогли завершить наведение мостов, сильные воздушные атаки противника (*Ju-88* и несколько *Штук*) задержали работы. Было запрошено истребительное прикрытие, и, хотя противник упорствовал в своих атаках, в конечном итоге они были отогнаны, и мосты достроены рано утром следующего дня, 7 апреля.

Затем у нас были один или два довольно спокойных дня: мы неуклонно продвигались вперед, почти не встречая сопротивления, идущие в авангарде эскадроны чередовались, и наконец мы пересекли реку в Нойштадте/Neustadt и двинулись на Швармштедт/Schwarmstedt. 11 апреля 3-й КТП двинулся за Швармштедт с моим эскадроном ввпереди. Командиром моего головного взвода был второй лейтенант Джон Пирсон (John Pearson), который лишь недавно прибыл в батальон в возрасте девятнадцати лет и имел мало боевого опыта. С ним были очень опытный взводный сержант Крэнстон (Cranston) и еще один довольно новый субалтерн Джефф Ломас (Jeff Lomas), исполнявший обязанности капрала взвода. Это была обычная практика в танковых войсках, применявшаяся специально для того, чтобы молодые офицеры набирались боевого опыта. Наш путь к реке Аллер/Aller пролегал через деревню Эссель/Essel, и я велел Пирсону внимательно следить за возможным появлением *фаустников*. Он доложил, что видел лишь нескольких мертвых немцев, и быстро двинулся к реке. Это была трудная для танков местность: прямая дорога вела через реку, а местность по обе стороны дороги была очень болотистой, что делало невозможным развертывание вне дорожного полотна.

Я подтянул свои штабные танки довольно ближе к взводу Пирсона и, укрывшись в небольшой роще у дороги, оценил обстановку. В бинокль мне показалось, что я вижу движение врага в лесу на том берегу, и соответственно предупредил Пирсона о необходимости быть начеку и готовым атаковать всё, что шевелится. «Вас понял, конец связи», — последовал его ответ, и он двинулся к мосту. Примерно в 100 ярдах от него он

увидел, что мост взорван, и доложил об этом мне, добавив, что, по его мнению, ширина реки в этом месте составляет около сорока ярдов.

Я был несколько обеспокоен движением на другой стороне, так как знал, что 1-я Бригада Коммандо с боем переправилась через реку прошлой ночью, и мы не были точно уверены в их местонахождении. Я как раз докладывал командиру полка, что мост через реку взорван, когда внезапно — Бах! Бах! — танки Пирсона и Крэнстона вспыхнули, и я увидел, как один или два танкиста выбрались наружу, явно раненые. Лейтенант Ломас в третьем танке сумел съехать с дороги, укрылся в кустах и принялся обстреливать противотанковую пушку, подбившую Пирсона и Крэнстона. Хотя в его танк попали дважды, он мужественно продолжал дуэль и, в конце концов, прямым попаданием уничтожил вражеское орудие. Тем временем я подошел вплотную к горящим танкам и выбрался наружу, чтобы прийти на помощь раненым экипажам. Джон Пирсон и двое его людей — Шипли (Shipley) и Уайатт (Wayatt, радист) - лежали в высокой траве у дороги, все с сильными ожогами рук и лиц. Рядовой Роу (Rowe), еще один член экипажа, также сумел выбраться и не был сильно ранен. Водитель Мэннинг (Manning) погиб на месте. Сержант Крэнстон и младший капрал Тернбулл (Turnbull) во втором танке погибли мгновенно, остальным членам экипажа удалось выбраться с легкими ранениями.

С того берега по нам вели ружейно-пулеметный огонь, но не очень точный, чтобы вызвать проблемы, к тому же мы были скрыты от глаз противника горящими танками. Я немедленно запросил по радио медицинскую помощь, и мне ответили, что доктор Уайтхаус уже в пути. Первые несколько дней Джонни Пирсона в батальоне оказались весьма насыщенными — два жарких боя. Несмотря на очень серьезные ожоги, он держался бодро и, без сомнения, был чрезвычайно благодарен судьбе за то, что остался жив. Он также предпринял все попытки, чтобы прийти на помощь экипажу Крэнстона. Вскоре прибыл доктор Уайтхаус (Whitehouse) со своими двумя санитарными бронетранспортерами, и раненые были эвакуированы.

От командира полка поступил приказ по радио: Эскадрон *А* должен быть переправлен через реку на плотах вместе с ротой *Шопширцев*. Я должен был обеспечить огневое прикрытие оставшимися танками и соответственно подойти как можно ближе к береговой линии. Джонни Лэнгдон, один из моих старых командиров взводов, переправлялся первым и быстро повел свои танки по тропам от реки, а пехота *Шопширцев* продвигалась через лес по обе стороны пешим порядком. В ходе коротких и жарких стычек танки и пехота выбили немало врагов из их лисьих нор, при этом *Херефордширцы* понесли некоторые потери.

Некоторое время спустя, когда ситуация казалась более спокойной, Джонни разрешил экипажам сделать перерыв на чай. Внезапно сквозь деревья просвистел бронебойный снаряд, и один из его танков был подбит и выведен из строя; экипажу удалось покинуть его невредимыми. Второй снаряд прошил башню, полностью разрушив её. Всего в ста ярдах появился *Тигр* и принялся обстреливать всё, что было в его поле зрения, особенно транспорт на дороге. Разведывательная машина и еще один грузовой автомобиль вскоре были объяты пламенем.

Было очевидно, что дальнейшее продвижение по дороге станет проблемой, и оставалось неизвестным, бродят ли по лесу другие *панцеры*: для танка нетипично действовать в одиночку. К счастью, некоторым танкам Эскадрона *С* удалось найти путь в обход по правому флангу через лес в тыл *Тигру*. После нескольких тревожных мгновений довольно восторженный голос по радио произнес: «Он у меня в прицеле, поехали!». Сержант Хардинг (Harding), один из взводных сержантов Эскадрона *С*, приблизился на расстояние сто ярдов к вражескому танку и двумя меткими выстрелами мгновенно поджег его.

Хотя больше танков в районе не наблюдалось, там, на хорошо укрепленных позициях, всё еще оставалось значительное количество вражеских солдат, в основном пехоты, которую

поддерживали противотанковые пушки. Эскадрон *A*, пытаясь прорваться вперед, потерял еще один танк; лейтенант Буллок (Bullock) и рядовой Блай (Bligh), его водитель, погибли. Джонни Лэнгдон получил приказ вести свой взвод (теперь сократившийся в численности до трех танков) на поддержку пехоты, наступавшей через лес. Однако при попытке пересечь небольшой ручей два его танка сели на брюхо, а его собственный танк оказался в изоляции. Противник вел сильный минометный и пулеметный огонь, и его положение стало довольно серьезным. К счастью, поступил приказ отойти к реке. На обратном пути он с изумлением обнаружил, что большая часть машин Эскадрона *A* увязла в болотистой почве — крайне неприятная ситуация: их танки не могли сдвинуться с места, хотя всё еще могли вести огонь из своих пушек, надеясь, что не появится еще один *Тигр*, так как они были неподвижными мишенями. К счастью, ничего не произошло, и, хотя они провели очень унылую ночь в сырости, все танки были вытащены на следующее утро силами нашего ремонтного подразделения под командованием капитана Чарлза Эдкинса (Charles Adkins).

В тот вечер 3-й КТП встал лагерем у деревни Энгехаузен/Engenhousen. Была организована горячая еда, одежда просушена, а долгожданная порция рома заставила нас снова почувствовать себя людьми. Когда на следующее утро мы тронулись в путь, мой эскадрон шел впереди. Мы продвигались через густо заросшую лесом местность, и так как прогресс был медленным, пехота (рота 1-го Херефордширского Полка) решила сопровождать танки пешком.

Мой головной взвод — 1-й Взвод под командованием лейтенанта Дона Рикеттса — в тех обстоятельствах продвигался успешно, встречая лишь спорадический огонь из стрелкового оружия от небольших групп немецкой пехоты, с которыми быстро расправлялись. Достигнув небольшой деревушки Винзон/Winson, мы обнаружили, что она пуста, и я приказал Рикеттсу прорываться к Бельзену/Belsen. Это название мне ни о чем не говорило, и мы не могли предвидеть тех ужасов, что ждали нас впереди.

Когда мы приблизились к месту, явно похожему на концентрационный лагерь, внезапно появилась немецкая машина с двумя офицерами на борту, несущими белый флаг. После совещания с командиром пехотной роты два немецких офицера были препровождены к бригадиру Черчеру и оттуда к генералу Робертсу, командиру дивизии. Из информации, которую я получил от командира пехоты, я понял, что большинство заключенных лагеря (многие тысячи) серьезно больны, а многие мертвы. Вскоре после этого по указанию штаба бригады нам сообщили, что лагерь объявлен зоной, закрытой для ведения боевых действий. И немцы, и мы сочли, что продолжение боев в лагере и вокруг него было бы крайне опасным из-за риска того, что ворота лагеря будут открыты, и заключенные разбредутся по округе, разнося болезни. Немцы были готовы уйти из этого района. Были согласованы время и линия отхода, и организована специальная медицинская группа для обследования лагеря.

Тем временем я и пара моих командиров танков рискнули зайти в лагерь, чтобы осмотреться. Я не был готов к тем ужасающим зрелищам, которые открылись уже в первых нескольких сотнях ярдов от входа в лагерь. Бараки были полны почти голых заключенных — кто-то был мертв, кто-то едва жив и жалок в своей худобе. Повсюду в канавах, окружающих бараки, лежали трупы, вонь стояла неописуемая. Так как мы поняли, что лагерь тянется еще, возможно, на милю или две, невозможно было представить, каковы условия там. Это то, что я никогда не забуду, и я поспешно вернулся к своему эскадрону.

К этому времени командир полка подтянул остальную часть батальона, и мы остановились в нескольких сотнях ярдов от лагеря в ожидании дальнейших приказов. Эта мини-остановка продлилась до 10 утра следующего дня, и когда наступление возобновилось, 3-й КТП и 4-й Полк Шопширской Легкой Пехоты были направлены на Люнебург/Luneburg и к реке Эльба. Люнебург был взят практически без сопротивления, и Эскадрону *C*, шедшему в авангарде 3-го КТП, приказали двигаться на Лауэнбург/Lauenburg. Здесь командир головного танка

доложил, что железнодорожный мост через реку цел, но на этой стороне реки находятся около 200 немцев и один *Тигр*. Эскадрон *C* и рота *Шопширцев* окружили мост, надеясь предотвратить его разрушение, но всего в нескольких сотнях ярдов от них мост был взорван и с шумом погрузился в реку. После короткого боя с вражеским арьергардом около 100 человек были взяты в плен, включая экипаж *Тигра*, который так и не смог принять участие в бою из-за полного отсутствия горючего и боеприпасов.

Следующие несколько дней прошли в спорадических стычках в ходе зачистки небольших деревень силами пехотных рот при поддержке нескольких танков. Выяснилось, что деревни защищались лишь небольшими пехотными гарнизонами с одной-двумя противотанковыми пушками. Их боевой дух был низок, сопротивление лишь вялым, и они не представляли большой проблемы. В ходе одной из таких акций был занят лагерь военнопленных, и, к моему великому удивлению, в нем оказались несколько бойцов 3-го КТП, захваченных в Кале в 1940 году. Среди них был мой старый приятель - сержант *Соккер* Хит (*Socker* Heath). Он залез на мой танк, схватил меня за руку и сказал: «Я всегда знал, что 3-й придет за мной».

К концу апреля были достроены два моста через Эльбу, и дивизии приказали переправляться 30 апреля. Продвижение шло отлично, и 5 мая 3-й КТП и 4-й Шопширский Полк вошли в Бад Зегеберг/Bad Segeberg. 23-й Гусарский Полк и 8-й Батальон Стрелковой Бригады прорывались к Травемюнде/Travemunde и Нойштадту/Neustadt, а 2-й Файфский и Форфарский Полк с 1-м Чеширским были направлены на Любек/Lubeck.

Мы все были весьма удивлены, когда поступил приказ остановиться: по рациям пришло сообщение о прекращении всех боевых действий. Затем нам официально объявили, что фельдмаршал Монтгомери принял капитуляцию всех вражеских сил, противостоящих 2-й Армейской Группе. Сообщение о полной капитуляции перед союзниками последовало через два дня. По всем признакам война закончилась, и большинство танковых экипажей было этим некоторым образом разочаровано. Нужно было провести кое-какую зачистку — подразделения 8-й Парашютной Дивизии противника, которая к том времени уже капитулировала, сами собирали отдельные изолированные немецкие части, но 3-му КТП сообщили, что сильный отряд войск СС засел в лесу *Segeberg Forst*, отказываясь сдаваться кому-либо, кроме британцев. Для того, чтобы помочь дожать этих немцев, потребовался эскадрон танков. Жребий выпал мне, и я послушно отправился со своим эскадроном и ротой *Шопширцев* в лес Зегеберг — не без некоторого трепета, так как накануне у нас была грандиозная вечеринка по случаю победы, и я чувствовал себя не в лучшей форме.

Однако никаких трудностей не возникло. Мы обнаружили, что подразделением СС был целый противотанковый батальон, недавно вернувшийся с русского фронта. Они построились в полном составе, офицеры в парадной форме, почти как для смотра. Выйдя из танка, я подошел к старшим офицерам, стоявшим перед своими войсками. Тут же один из них шагнул вперед и на идеальном английском произнес: «Мой полковник сдаст свое подразделение только британскому офицеру в полевом чине!».

Однако я смог заверить его, что нахожусь в полевом чине (майора), и это подтверждали семнадцать танков моего эскадрона, окружившие его батальон. Я сказал ему, что с удовольствием приму кортик и револьвер его полковника. Колонной мы отконвоировали всё подразделение обратно в Бад Зегеберг, при этом полковник и его адъютант ехали на броне моего танка. При осмотре выяснилось, что противотанковые пушки были оснащены специальными прицельными приборами, позволявшими вести точный огонь ночью. Одно из орудий вместе с оборудованием было немедленно отправлено в Великобританию для дальнейшего изучения.

Мы провели еще несколько недель в Бад-Зегеберге, прежде чем нас направили на несение караульной службы вдоль [полуострова] Эйдерштедта, где разбили лагеря все

дислоцированные на севере немецкие войска перед их демобилизацией. Это было странное время для 3-го КТП. Изменения в батальоне происходили почти ежедневно: офицеры и солдаты военного времени демобилизовывались, и эскадроны вскоре сократились до минимального состава. Многие старшие офицеры, находившиеся на штабных должностях и в военных миссиях, сочли целесообразным вернуться в полк, чтобы сохранить выслугу и, возможно, получить командные должности. В результате я вскоре обнаружил, что переведен на должность заместителя командира эскадрона, имея очень мало шансов на производство в кадровые офицеры.

Когда я получил офицерское звание в полевых условиях в 1942 году, мне был обещан перевод в кадры по окончании боевых действий. Теперь этого не последовало: хотя я прошел отборочную комиссию военного министерства в Ганновере с хорошим результатом, и производства, которого я так хотел, не случилось. В качестве альтернативы мне предложили еще пять лет службы по контракту или возвращение в рядовой состав в звании уорент-офицера I класса (полкового сержант-майора). Я отклонил предложение и решил покинуть 3-й КТП, перейдя в военную администрацию. Это был печальный момент, так как я был в 3-м КТП с 1933 года, прошел через операции в Кале в 1940-м, Западную пустыню, Грецию и весь путь от Нормандии до Балтики.

Эпилог

3-й КТП передислоцировался в казармы во Фленсбурге/Flensburg, занимаясь более или менее мирными делами. В октябре 1945 года я присоединился к отряду военной администрации в Киле, где, всё еще в своем временном звании майора, был назначен председателем судов суммарной юрисдикции в Киле/Kiel и Фленсбурге.

Почти через год меня перевели в отряд *930K*, дислоцированный в Хузуме/Husum на западном побережье земли Шлезвиг-Гольштейн. Я стал заместителем командира отряда, и в мои обязанности входила помощь в реорганизации немецкой транспортной системы, как автомобильной, так и железнодорожной. Это было очень интересное время, но я всё больше разочаровывался в работе военной администрации. Во время короткого отпуска в Гамбурге я встретил старого армейского друга, подполковника Фредди Спенсера-Чепмена (Freddy Spencer-Chapman). Он тогда был директором британской школы в Плёне/Plön и сказал: «Я ищу завхоза. Хочешь эту работу?». Я ухватился за этот шанс и в течение пары недель сумел добиться перевода. В то же время я подал прошение об увольнении из регулярной армии, но подал заявку на производство в офицеры Территориальной Армии. В конце концов прошение было удовлетворено, и я получил звание капитана.

У меня было несколько дней отпуска в Англии, пока решались эти формальности, после чего я вернулся в Германию уже как гражданское лицо, чтобы занять должность завхоза в школе имени короля Альфреда в Плёне. После двух с половиной очень приятных лет в Плёне срок моих полномочий в школе истек, и я вернулся в Великобританию. Я подавал заявки на несколько хозяйственных должностей, но без успеха, поэтому снова подал заявку на производство в офицеры кадровой армии — на этот раз в Корпус Королевских Инженеров-Электриков и Механиков. В итоге я был принят на службу в звании второго лейтенанта и 28 мая 1951 года прибыл в депо Корпуса в Арборфилде/Arborfield. В общей сложности я прослужил в нем двенадцать лет, выйдя в отставку в апреле 1962 года в звании майора и с пенсией вместо выходного пособия.

Моя связь с Королевским Танковым Полком по-прежнему поддерживается через различные отделения Ассоциации Старых Товарищей. 3-й КТП, к сожалению, больше не существует, будучи объединенным со 2-м КТП, и теперь в полку осталось всего два батальона. Посетив недавно 2-й КТП, дислоцированный в Фаллингбостеле/Fallingbostel в Германии, я обнаружил, что дух 3-го КТП живет: танковые экипажи полны бодрости, и я совершенно

уверен, что при необходимости они поддержат традиции Королевского Танкового Полка военного времени.

Tank Commander: From the Fall of France to the Defeat of Germany: The Memoirs of Bill Close. 2013

Перевод – Владимир Крупник с применением ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org